

ВЛАДИМИР МАЛИК
•
КНЯЗЬ КИЙ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Владимир Малик

Князь Кий

«Центрполиграф»

1980

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Малик В. К.

Князь Кий / В. К. Малик — «Центрполиграф»,
1980 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5384-5

Согласно «Повести временных лет» князь Кий был выдающейся исторической личностью. Неспроста за полтысячелетия, что прошло от Кия до Нестора, народ в памяти сберёг важнейшие факты его политической биографии: поставил столицу на Днепре, ходил в Царьград, срубил Киевец, городок на Дунае, вернулся в Киев, где и «жизнь свою окончил». Владимир Малик, известный украинский писатель, автор серии увлекательных исторических романов, реконструировал молодые годы будущего основателя Киева, которому суждено было стать во главе славянского племени полян и отразить нападение одной из орд гуннов, кочевавшей в причерноморских степях после распада державы Атилы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9524-5384-5

© Малик В. К., 1980
© Центрполиграф, 1980

Содержание

Братья	6
Гунны	9
Поляне и уличи	15
Сказ про короля Божа	21
Рось	26
Родень	32
Гнев Перуна	41
Ночь над Росью	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Кириллович Малик

Князь Кий

Роман

Володимир Кирилович Малик
Князь Кий

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Малик В. К., наследники, 2018

© Цветков Е., перевод, наследники, 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, и была сестра у них Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъём Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовётся Щековица, а Хорив на третьей горе, которую прозвали по нему Хоривицей. И срубили они городок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев. И был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смысленны, и звались они полянами, от них поляне и до ныне в Киеве.

Повесть временных лет

Братья

Четыре всадника в белых рубахах, у каждого в руке зажато короткое копьё, выскочили из густой роши и помчались наперерез табуну сайгаков, что поднимались после водопоя по узкой тропинке на крутой берег. Испуганные животные на мгновение замерли. Куда бежать? Где спасение? Тут же табун разделился. Одни – что были позади – попрыгали в воду и поплыли к противоположному берегу, а остальные жёлтым вихрем метнулись в степь.

Но ещё быстрее просвистели в воздухе острые копыта. И каждое из них нашло себе жертву! Четыре сайгака упали в мягкую траву, забились в предсмертных судорогах. Их жалобные крики рассекли полуденную тишину.

Один из всадников, пожилой, с длинными седыми волосами, спрыгнул с коня, вынул из кожаных ножен острый, с широким лезвием нож.

– Не мешкайте, отроки! Перережьте жилы и выпустите лишнюю кровь, чтоб не испортила мяса. Да глядите – не повредить бы шкуры!

Отроки, у двоих из них уже пробивались рыжеватые бородки, тоже выхватили ножи и подбежали к своей добыче. Ловкие взмахи – и из надразов на шеях струйками потекла ярко-красная кровь.

Охотники вытерли о траву ножи, стянули добычу в одно место. Старший наступил ногой на сайгака, поднял вверх тяжёлые узловатые руки. Седая грива волос шевелилась под лёгким дуновением ветерка. Из-под лохматых, седых бровей, резко выделявшихся на смуглом морщинистом лбу, в небо смотрели по-молодому лучистые глаза.

– О ясноликий Хорос-Световид¹, и ты, грозный Перун, слышите вы меня?.. Это я – старейшина рода росов, что из племени полян, богобоязный Тур, обращаюсь к вам... Благодарствую, боги, за то, что вложили в мои руки силу, а глазам дали зоркость! А ещё благодарствую за то, что послали под моё копьё и под копыта моих сынов – Кия, Щека и Хорива – желанную добычу! Часть её по праву принадлежит вам, боги, и вы получите жертву, как только мы вернёмся домой...

Тур поклонился и вновь пристально посмотрел на синее безоблачное небо, где ослепительно светило солнце, и велел сыновьям собираться в обратный путь.

Братья переглянулись, и вперёд выступил Кий.

– Отче, добыча наша велика... Боги помогли нам, и мы, исполненные благодарности, можем возвращаться назад. Пожалуй, ни один ловец из нашего рода не сможет сегодня похвалиться таким успехом... Но согласись, отче, не только за мясом и шкурами вышли мы в степь! Хвала богам, есть у нас и кони, коровы, и овцы, и разной птицы в достатке! Забили бы овцу или быка – вот и имели б мясо... Нам хочется ещё порезвиться в степи, погонять зверя, пострелять из лука, размять застоявшихся скакунов. А завтра вернёмся домой, отче. Позволь!..

– Дозволь, отче, – вторили ему Щек и Хорив.

Старый Тур глянул на сынов. Тёплая волна подкатила к сердцу. Они стояли рядом, ожидая отцовского ответа. Три красавца – как три тугих молодых дуба! Такие похожие – и такие неодинаковые... Вот одесную² стоит Кий – старший. Надежда и гордость старейшины и всего рода. Как он похож на него, на своего отца в молодости! Высокий, стройный, широкоплечий. Загорелое румяное лицо. Открытый взгляд голубых, как небо, глаз, обычно тёплый и ласковый, но в гневе непреклонный и твёрдый как кремь. Над высоким чистым челом – тяжёлая грива русских волос... Сразу видно, из какого он рода. Ведь среди русов почти все белокурые

¹ Хорс, Хорос, Даждьбог, Световид – так у древних славян называлось солнце, которому они поклонялись, как богу. От имени Хорос – прилагательное «хороший», то есть солнечный, ясный, погожий.

² Одесную – справа.

и светлоглазые. Недаром говорят, что по-ромейски³ слово «рус» или «рос» означает красный, рыжий, светлый. Может, потому и наша светловодная Рось так названа? И род наш тоже – русь!.. Но ни у кого нет таких белокурых кудрей, как у Кия. Это он от покойной матери – Билицы. Билочки, как ласково он некогда назвал свою, теперь покойную, жену... Сколько же Кию лет? Пожалуй, двадцать и ещё один год!.. Да-а, не мало. Женить пора! Да всё никак не выберет он себе девицы. Из-за забот по хозяйству, охоты да сражений всё некогда ему... Эх, как бежит время! И не заметил, как самому полсотни стукнуло. Ещё малость – да помирать пора. Мужчины редко доживают до такой старости. Разве что очень посчастливится... А так многие погибают ещё молодыми: на охоте, в битве, от хвори...

В середине стоит Щек. Он второй по возрасту. Ох уж этот Щек! Не парень, а огонь! Горячий, вспыльчивый, порою просто неистовый! Только затронь – так и вспыхнет гневом! Никому не уступит, даже отцу... Зато как способен к музыке, к песне: запоёт на Росе – на Днепре эхо отзовется. Лучше его никто не сыграет на свирели иль на гусях. Без него парни и девчата не раскладывают костров в ночь на Купалу, не водят хороводы, не пускают венки по реке... А сейчас он непривычно смирен! Покорно склонил красивую кучерявую голову, отливающую свежей бронзой, опустил долу глаза. Но ему, Туру, известно: и теперь в прикрытых длинными ресницами зрачках сына скачут, как искры, озорные огоньки...

Затем отец переводит взгляд на младшего. Хориву семнадцать лет. У него на щеках и подбородке пока ещё золотистый пушок. В припухших губах заметна детская наивность, а в глазах, таких синих, как весенние пролески, – непостижимое удивление, словно он впервые видит мир. Однако, несмотря на молодость, у него сильные и умелые руки: куёт железо, готовит из него серпы и ножи, наконечники для копий и стрел, тешет дерево, месит глину и лепит из неё горшки и миски. А во время поприщ⁴ стрела из его лука летит на сотни шагов и там ещё имеет силу пронзить сыромятную шкуру быка...

Сыны...

Тур довольно прищурил глаза.

– А как же я один, отроки, четырёх сайгаков дотяну до дома?

Кий сдержанно ответил:

– Пешком, отче... У нас всего четыре коня. Положим на твоего Серого дичь и поведёшь его в поводу. Но ты на нас не сетуй. Может, и нам выпадет в охоте удача, и поутру мы тоже будем пешими добираться до нашего Каменного Острова.

– Нелегко, мне старому, тянуть на поводу коня, – пробурчал вроде бы сердито Тур, но тут же усмехнулся: – Да ладно. Оставайтесь! Но не зарывайтесь далеко, чтоб не попасть под стрелы гуннов!

– Благодарствуем, отче, и не тревожься за нас, – поклонились сыновья. – Не попадёмся им, кони у нас быстрые!

– Ну, собирайте меня в дорогу.

Братья стянули сыромятными ремнями ноги сайгаков и, связав их попарно, перекинули через спину коня. Щек подал в руки отцу повод, а Хорив – копьё, и Тур, не спеша, тронулся в путь.

Постояв на холме, пока отец не скрылся за ближайшим леском, братья сели на коней и поехали в противоположную сторону.

Перед ними раскинулась волнистая равнина. Среди яркой зелени трав то там то сям темнеют островки рощиц и перелесков. Вспугнутые фырканием коней, из-под ног взлетают степные птицы. Порой выскочит из куста заяц и, прижав уши, бросается со всех ног наутёк, а то в

³ По-гречески.

⁴ *Поприще* – здесь: состязания.

зарослях кустарника мелькнёт рыжий хвост лисы. Вдали вихрем проносятся косяки тарпанов – диких лошадей.

Но вся эта живность не привлекала внимания охотников. И только когда далеко впереди вспорхнуло несколько стрепетов и с тяжёлым шумом полетело над землёй, братья сняли с плеч луки и выхватили из колчанов стрелы. Стрепет – грузная, но красивая птица – всегда заманчивая добыча. На него трудно охотиться: он умело прячется в густых травах и издали чувствует опасность. Но кому достанется такая добыча, тот вдоволь полакомится вкусным жареным мясом.

На горе, среди кустов и высокого бурьяна, Кий подал знак остановиться.

– Здесь гнездовья стрепетов...

В тот же миг фыркнул конь – и впереди взметнулась огромная птица. Слепительно блеснули на солнце белые перья крыльев и такая же белая полоска вокруг тёмной шеи.

Дружно взметнулись луки – прошелестели три стрелы. Веером посыпались перья. Стрепет уронил голову и тяжёлым клубком упал вниз.

Хорив соскочил с коня, двумя руками поднял над головой добычу. Радостно засмеялся:

– Здорово! Моя стрела, братики! Я попал!

– Твоя, брат, – произнёс, спешиваясь, Кий и улыбнулся, видя, как радуется Хорив. – А моя и Щека, по воле богов, попали в чистое небо... Жаль стрел – не так-то их много у нас.

– Я сейчас их найду! – воскликнул Хорив, привязывая стрепета к седлу. – Они полетели вон за те кусты, к яру! Я мигом разыщу и принесу.

Он не мог скрыть радости от успеха, и ему хотелось хоть чем-то утешить расстроенных неудачей братьев. Передав повод своего коня Щеку, он побежал к корявым зарослям боярышника.

– Наш Хорив ещё сущий ребёнок, – раздумчиво произнёс Кий. – Надо беречь его, дорогой Щек, от порчи, злых духов и разной напасти!

– Да бережёт его Световид! – согласился Щек. – А мы его будем всячески опекать.

Хорив скрылся за кустами. Вскоре оттуда донёсся его приглушенный и взволнованный голос:

– Кий, Щек, скорее ко мне! Сюда, ко мне!

– О боги! Что там стряслось? – воскликнул встревоженно Кий. – Неужто своим разговором мы накликали на хлопца злые силы?

Старшие братья разом бросились вперёд. Обдирая кожу на руках о колючки, продрались сквозь заросли боярышника и шиповника к крутому обрыву. Здесь наткнулись на Хорива, который, пригнувшись, смотрел вниз.

– Ну, что там? Почто звал?

Хорив повернул к ним побледневшее лицо.

– Смотрите – чужаки!

И он остриём копья указал в глубину яра.

Гунны

В полночь из-за далёкого, покрытого тёмной мглой небосклона выкатилась круглая красноватая луна и скупо осветила страшное кровавое место брани.

На широком холмистом поле, поросшем серебристым ковылём да остропахучей терпкой полынью, темнели груды мёртвых тел, бродили осёдланные кони, потерявшие своих хозяев, доносились приглушенные стоны раненых, слышались проклятия и хрипы умирающих. Повсюду валялось беспорядочно разбросанное оружие – луки, копья, сабли, щиты, чеканы, короткие железные и бронзовые мечи. Их никто не собирал: побеждённым было не до того, а победители, завершив битву поздно вечером, отложили, должно быть, это дело до следующего дня.

Луна медленно поднималась выше и выше, мутным безучастным оком глядя на то, что творится на Земле.

Внезапно из залитой туманом степной балки выскользнул невысокий простоволосый отрок в белой вышитой рубахе, подпоясанной узеньким ремешком. Он, крадучись, начал приближаться к побоищу.

На одном из небольших холмов он остановился, высунул из травы, как суслик, вихрастую голову и осторожно огляделся вокруг.

Дозорных нигде не заметно. Зато вдали, на пологом берегу неширокой речки, виднелось вражье стойбище. Там горели костры, освещая островерхие шатры и кибитки на колёсах, ржали кони, ревели верблюды. Лёгкий ночной ветерок доносил сладковатый запах баранины и конины, варившихся в казанах.

Отрок выждал некоторое время и вновь скрылся в траве. Пригнувшись, начал пробираться от одной груды тел к другой, где побеждённые лежали вместе с победителями. Часто останавливался, заглядывал в искажённые болью и смертью лица, но, не найдя того, кого искал, полз дальше.

Много времени ушло у него на эти поиски. Прокрадывался то в одну сторону, то в другую. Луна, казалось, хотела помочь ему – поднимаясь выше, светила всё ярче. Но отрок в отчаянии то и дело вздымал к небу руки – куда бы ни взглянул, нет кого он ищет! Нет и нет...

Наконец, утомившись и потеряв надежду, присел на землю и охватил голову горячими ладонями.

Сидел долго, не зная, что предпринять. Не может же он переворачивать лицом вверх всех убитых, ведь их здесь сотни, а то и тысячи.

Вдруг его слух уловил тихий стон. Такой тихий, что мог быть заглушен другими, если бы не казался очень знакомым. Сердце пронзили радость и надежда.

Отрок быстро вскочил и, забыв о вражеских дозорных, от которых следовало таиться, побежал к большой грудке мёртвых тел, откуда донёсся стон. Быстро растащил убитых, лежащих сверху, и увидел пожилого воина в окровавленной рубахе.

– Отче! Князь! Ты! – воскликнул радостно. – Живой?.. Слава Дажьбогу и Перуну! Слава Купале и Велесу, и всем богам – живой!.. Жив князь уличей⁵ – Добромир! Жив отец мой!

– Боривой, сынок, помоги мне подняться...

Отрок помог отцу сесть и только теперь заметил с ужасом, что тот изнемогает от ран: левая нога выше колена пронзена копьём, а в груди торчит гуннская стрела.

⁵ До сих пор не выяснено происхождение племенного названия уличей. Есть сведения, что когда-то они жили между Дунаем и Днестром – в местности, издавна называемой Углом (Кутом). Значительно позже турки назвали её Буджаком, что тоже означало – кут, угол. Может, отсюда и происходит этноним «уличи», образованный из первоначального – «уличи»?

– Погоди, отче! Я позову наших на помощь! – И Боривой, приложив ко рту ладони, издал крик дикой утки.

В ответ тут же послышалось:

– Кря, кря, кря...

– Идут... Дубок, Горицвет и Всеслав, – пояснил он отцу. – А с конями остались мать и Цветанка. Вот и все, кто остался вживе. Братья мои, княжичи Богомил и Гордомысл, погибли... Горицвет видел, как гунны посекали их саблями... Стрый⁶ Пирогаст и вуйко⁷ Братислав полегли тоже, – я узнал их, когда искал тебя... Все лучшие мужи наши сложили головы – Хранимир, и Стоян, и Русота, и Живослав, и Рябовол... Не ведаю, остался ли кто... Пожалуй, лишь те, кто смог вырваться в степь...

– Боже, о боже, – прошептал в отчаянии князь Добромир.

– Мы решили податься к полянам... Но страшной была мысль, что завтра гунны, добывая наших раненых и деля добычу, найдут князя уличей – живого или мёртвого – и станут плумиться над ним... Вот почему я здесь и – хвала богам – нашёл тебя!..

– Благодарю, сынок. – Князь притянул отрока к себе и поцеловал растрёпанную голову. – Не знаю, дожил бы я до утра... А теперь – надеюсь...

К ним подошли три молодых воина. Сильные, стройные. На поясах, в кожаных чехлах, – короткие мечи, за спинами – щиты, луки и колчаны со стрелами, в руках – копья... Увидев князя, обрадовались:

– Жив наш князь! Жив! Слава богам!

Двое из них тут же скрестили копья – князь сел на них, обняв воинов за плечи. Те выпрямились, быстро и бережно понесли его, переступая через убитых и обходя груды мёртвых тел. Вскоре добрались к балке, где стояли их лошади. Там воинов с дорогой ношей встретили две женщины. Одна, что постарше, – лет сорока, а вторая – совсем молодая девушка.

Узнав князя, обе кинулись к нему.

– Ладо мой любый! Пораненный! Тяжко? О боги! Боги!.. – запричитала старшая и прижала его голову к себе. Увидев стрелу, начала осторожно вытаскивать её из раны. – Я сейчас... сейчас... Потерпи малость, ненаглядный, ладо мой!..

Вытянула стрелу без наконечника, который остался в ране, сняла с головы платок – туго перевязала грудь князя. Делала всё быстро, сноровисто. Её сильные пальцы нежно касались тела князя, стараясь не причинять лишней боли. Губы стиснуты, строгие. В глазах – твёрдость и решимость, и только после того, как закончила перевязку, из глаз брызнули слезы.

Князь погладил пушистые русые косы жены, обнял её за плечи.

– Не плачь, Искронька... Ведь – живой... А раны – дело пустое... Заживут... Не тужи, княгиня... Выздоровлю – соберу своих уличей и опять сойду с каганом Эрнаком в поле... Померяться с ним силушкой... И может, тогда боги помогут мне. – Он говорил прерывисто, с натугой. Обняв второй рукой дочку, поцеловал её в голову. – И ты вытри слезы, Цветанка!.. Негоже плакать над живым... Поплачем над теми, кого уже нет с нами и чьих милых голосов мы никогда не услышим, – над княжичами, над родичами, над моими полёгшими воинами...

Князь с княгиней обнялись и с минуту молчали в безутешном горе.

Тихо. Ярко светила луна, над нею высилось тёмно-синее звёздное небо. Сюда, в глубокую балку, не долетали с поля битвы стоны раненых, не доносились ни переключка вражеских дозорных, ни тысячеголосый гул стойбища гуннов. Только назойливое зудение комаров, вскрик испуганной птицы да задумчивое кваканье лягушек в маленьком, заросшем кувшинками озере нарушали степную тишину.

Наконец князь Добромир поднял голову:

⁶ Стрый – дядька по отцу.

⁷ Вуй, вуйко – дядька по матери.

– Хватит, трогаемся...

Ехать верхом он не мог, и его положили на прочную попоную, привязанную между двумя лошадьми. Боривой подал знак, и маленький отряд смельчаков двинулся в далёкий неведомый путь.

Сначала спустились по дну балки к широкой долине, потом пологим склоном поднялись наверх и, определяя направление по звёздам, повернули на север. Назад, к югу, на земли уличей, им теперь пути не было: там властителями стали гунны.

Боривой прокладывал дорогу. За ним Дубок вёл под уздцы коней с попоной, на которой лежал князь Добромир. Сразу за князем, готовые немедля подать ему помощь, шли княгиня Искра и княжна Цветанка. Позади, отстав на десяток с лишним шагов, прикрывая всех, ехали верхом Горицвет и Всеслав. Они вели в поводу несколько осёдланных коней.

Небо оставалось чистым и звёздным. Луна роняла на землю холодные серебристые лучи, и от них на густом поникшем ковыле переливалась и поблёскивала свежая роса.

Миновали Кремневую гору, одинокую скалу, мрачно темневшую по левую руку на фоне синего неба. Боривой поднялся на стременах и оглянулся. Ну, кажется, спасены! Стойбище гуннов осталось далеко за холмами, поле боя – тоже. Теперь, не боясь топота коней, можно двигаться быстрее, чтобы за ночь отойти подальше от страшного места.

Юный княжич немного успокоился и, удаляясь от своих, пустил коня рысью, но никак не мог отогнать печальных мыслей, чёрной тучей давящих на душу, острой болью пронизывающих сердце. Снова и снова они возвращали его к событиям последнего дня.

Уличи привольно жили в степи неподалёку от тёплого моря. Они не ждали беды. На буйных весенних травах люди пасли скот, в реках ловили рыбу, радовались будущему урожаю, что обещал быть щедрым.

Но налетели чёрным вихрем гунны. Нападение было внезапным, неожиданным. Князь Добромир сумел собрать лишь часть своей дружины. Силы оказались слишком не равными, и почти все его воины сложили голову в кровавой сече.

Что теперь будет с уличскими жёнами, девами, стариками и детьми? Что станет с землёю уличей, их нивами, весями и речными угодьями? Что станет с табунами коней, отарами овец и коз, стадами коров?

А что будет теперь с ними – горсткой беглецов? Куда ехать? Где приклонить голову? У кого получить защиту?..

Чуть слышный шорох донёсся из-за большого тёмного куста и прервал мысли Боривоя. Мелькнула неясная тень, послышался слабый мелодичный звук туго натянутой тетивы... Княжич мгновенно пригнулся к гриве коня, и тут же над ним просвистела стрела, задев оперением спину.

«Дозорный гуннов! Так далеко забрался в степь! Почему он здесь один?»

Боривой выпрямился, выхватил из колчана стрелу, наложил её на лук. Но неведомый всадник, должно быть, внимательно следил за беглецами из чащи. Он гикнул на коня и умчался в призрачную ночную мглу. Пущенная вдогонку стрела не успела за ним. Все переполошились.

– Нам нужно его догнать! – вырвался вперёд Всеслав. – Мы за ним. Иначе – горе всем!

Его остановила княгиня:

– Ради богов! Куда? Сейчас ночь – разве найдёшь его во тьме? А мы останемся одни...

Её поддержал князь Добромир:

– Скверно, конечно, что нас выследили... Теперь гунны могут кинуться за нами... Но догонять дозорного тщетно: он вскоре доскачет до своих... А вы ещё заблудитесь...

– Что же делать?

– Бежать!

– А может, погони не будет?

– Будет!.. Разве вы не знаете гуннов? Им лишь бы поохотиться... На дичь или людей – всё равно! Станут гнаться по следам и день, и два, пока не догонят или не убедятся, что это невозможно...

– Тогда не теряем времени! В путь! – воскликнул Боривой. – Отче, ты выдержишь? Езда предстоит нелёгкая!

– Не думайте обо мне... Сколько боги дадут сил, выдержу, – тихо ответил князь. – Только бы вы спаслись... А если угодно богам – спасусь и я...

Боривой подал знак рукой – и небольшой отряд, приминая копытами густую траву, помчался на север, в противоположную сторону от луны...

Скакали всю ночь и половину следующего дня. Гнали коней изо всех сил, давая им и себе передышку только для того, чтобы напиться из встреченных на пути речки или ручья. А когда солнце дошло до зенита, заметили погоню.

Гуннов было шестеро. Шестеро против семи уличей. Дозорный, видно, не добрался до стойбища, а встретил сторожевой разъезд, и они вместе помчались за беглецами. Но как это много – шесть, если учесть, что только трое из семи уличей – опытные взрослые воины! Разве могли что-то сделать в бою тяжело раненный князь, княгиня Искра и княжна Цветанка? Да и Боривой только-только начал осваивать воинское ремесло.

Гунны издали закричали, стали потрясать копьями, давая понять, что они увидели беглецов и вот-вот догонят их. Зоркий глаз Боривоя даже заметил, как передний хищно оскалил зубы.

– Вперёд! – И княжич поднял плеть.

Измученные кони двинулись нехотя, и лишь понукания, крики и удары плетью заставили их постепенно перейти на рысь.

Теперь всё зависело только от них – выдержат ли они состязание с лошадьми преследователей или нет.

Боривой вырвался вперёд и, пристально вглядываясь, выбирал направление. Объезжал холмы, избегал крутых склонов, спрямлял путь по тропам, протоптанным дикими владыками степей – рогатыми турами, буйногривыми тарпанами и тонконогими пугливыми сайгаками.

Гунны не отставали. Наоборот, их кони оказались более свежими и выносливыми. Расстояние между беглецами и преследователями постепенно сокращалось.

Видя это, князь Добромир стал просить:

– Оставьте меня! Я не хочу быть обузой для всех!.. Гунны задержатся возле меня на какое-то время – и вы от них оторвётесь! Может, и спасётесь... Оставьте меня!

Боривой взволнованно возразил на ходу:

– Что ты, отче! Как можно? Нет, мы ни за что тебя не оставим! – И вдруг радостно закричал: – Вон впереди теснина! Туда! Мы скроемся в ней! Там, в узких и глубоких расселинах, нам будет легче защищаться. Нападающие не смогут нас окружить!

Он круто повернул к подножию горы, наполовину разрезанной тёмным провалом ущелья.

Ехать стало сразу труднее, так как дорога пошла вверх. Взмыленные, задыхающиеся лошади замедлили бег. В низовье ущелья под копытами зачавкала топкая грязь, зашелестела осока. Над рвом с ржавой стоячей водой нависли ветви кустов – пришлось с трудом продирааться сквозь них.

Боривой и Горицвет, пропустив всех, задержались в укрытии из лапчатой лещины. Осторожно выглянули – далеко ли гунны?

Те тоже остановились и озадаченно смотрели на отвесные стены ущелья и зелёную накипь зарослей в нём. Видимо, опасаясь засады.

Горицвет, злорадно усмехаясь, сказал:

– Вы поедете дальше, а я останусь здесь. Клянусь Перуном, хоть одному, а достанется моя стрела!

– Погибнешь!

– Всё может быть... Но кому-то нужно их задержать!

– Я тоже с тобой!

– Нет, Боривой, ты не останешься... Твоё место – во главе отряда. Спасай князя! – И Горицвет ударил плетью коня Боривоя. – Прощай!

Когда Боривой исчез в гуще кустов, молодой воин слез с коня, взял в руки лук и стрелу – выглянул из укрытия. Гунны приближались.

Горицвет ждал. Пусть подъедут ближе! Ближе!.. Чтобы не промахнуться! Чтобы поразить хотя бы одного в сердце!

Они осторожны – у каждого в руках наготове лук с наложенной на него стрелой. Готовы в любой миг ответить выстрелом на выстрел.

Вот уже отчётливо видны их лица – широкие, тёмные, обожжённые солнцем, ветрами и огнями степных костров. Из-под островерхих войлочных колпаков на плечи спадают тонкие косички жёстких чёрных волос. У одного из них, по-видимому старшего, так как остальные почтительно прислушивались к его восклицаниям, щеки и нос покрыты оспинами, а острый взгляд так и рыщет, так и стрижёт, стремясь проникнуть сквозь густую завесу курчавых зарослей. Хорошо бы избавиться от него, обезглавить вражеский отряд. Но он, точно чувствуя опасность, всё время держится за спиной других воинов.

Горицвет натянул тетиву – прицелился. Стрела свистнула как плеть и вонзилась в грудь ближайшего гунна. Даже не вскрикнув, тот взмахнул руками и упал с коня наземь.

– Есть один! – радостно воскликнул Горицвет и потянулся к колчану за следующей стрелой. – Боги помогают мне!

Но гунны тоже оказались бывальными воинами. Заметив, где колыхнулась веточка ивы, они не мешкая выпустили туда пять стрел, и те холодно и злобно пропели песню смерти. Две из них попали в храброго улича – одна в руку, вторая – в горло.

Подсечённым колосом упал Горицвет навзничь в остролистую осоку и, хотя был ещё жив, не мог и шевельнуться. Затуманенным взглядом смотрел вверх, сквозь зелёную листву.

Потом кусты расступились – и к нему подъехали всадники. О чём-то быстро заговорили между собой. Но он ничего не понимал. Лежал молча, бесстрашно, наблюдая за тем, как один из них вытянул из ножен блестящую саблю и наклонился с коня... Сабля вонзилась ему между глаз...

* * *

Тем временем Боривой вывел свой небольшой отряд из устья ущелья, где навсегда остался Горицвет, в его среднюю часть. Заросли здесь стали реже, ниже, бурьян более цепкий. Вокруг высились жёлтые отвесные стены с множеством отверстий, в которых гнездились быстрокрылые ласточки, поднимались в небо острые шпили, а из глубоких мрачных обрывов веяло угрюмой прохладой.

Но вот ущелье разветвилось на три русла. Беглецы заколебались. Куда направить путь?

Боривой прикидывал. И вправду, где спасение?

Повернуть налево – оказаться ближе к землям уличей, куда теперь дорога им заказана. Поехать прямо – неизвестно, когда ещё удастся выбраться в степь?.. Остаётся одно – повернуть вправо, откуда открывается прямая дорога на север, где живут племена общего с ними языка и общей веры.

Взяли вправо.

Двигались медленно. Из последних сил. Кони едва держались на ногах, а люди – в сёдлах.

Боривой знал, что гунны недалеко. Горицвет их задержал. Но надолго ли? Он с тревогой и отчаянием поглядывал назад, не веря самому себе, – неужели погоня отстала?

Поэтому резкий окрик Всеслава, хотя и не был неожиданным, заставил Боривоя вздрогнуть.

– Гунны!

Он оглянулся. Пять всадников быстро их нагоняли. Значит, Горицвет всё же одного уложил!

Молодец! Но пятеро ещё остались. Что делать? Где искать спасения? Не пройдёт и нескольких минут, как преследователи приблизятся на полет стрелы!

Нужно на что-то решаться. Каждое упущенное мгновение могло ускорить неминуемую гибель.

Боривой напряжённо всматривался в мрачные стены ущелья, поросшие искривлёнными деревцами, ютящимися в трещинах и на узеньких уступчиках, оглядывал острые шпильки, впившиеся в небо, как зубы дракона. Вдруг на высоте десяти-пятнадцати локтей заметил уступ, на котором могли укрыться несколько человек. К уступу вела крутая, едва заметная звериная тропинка.

Времени на раздумья не было.

– Туда! Вверх! – воскликнул он. – Други, берите князя на руки! Коней оставим внизу! Будем защищаться до последнего!

Дубок и Всеслав стали поднимать князя Добромысла. Княгиня Искра и княжна Цветанка взбирались следом за ними. Боривой отступал последним, готовый поразить стрелой первого гунна, рискнувшего преследовать их на тропе.

Уступ над отвесной кручей был невелик, но беглецы смогли разместиться на нём. Всеслав и Дубок положили князя у стены. Княгиня с княжной сразу склонились над ним, стараясь хотя бы немного облегчить его страдания. А воины приблизились к Боривою и, загородив тропу щитами, приготовили луки и мечи для последнего, решительного боя...

Поляне и уличи

Кий и Щек осторожно подошли к густому кусту шиповника, где стоял Хорив, и глянули с вершины вниз.

На противоположной стороне ущелья, на небольшом уступе, притаились трое – мужчина и две женщины. Мужчина лежал навзничь у самой стены, и старшая женщина поправляла на его ноге окровавленную повязку. А младшая, собственно говоря, совсем ещё девушка, а не женщина, заломив руки, с ужасом смотрела, как на узкой тропе, ведущей к их убежищу, простоволосый юноша, почти подросток, прикрываясь щитом, медленно отступал вверх. Он мужественно отбивался копьём от троих гуннов, которые с оголёнными саблями наседали на него.

В траве на дне ущелья, пронзённые стрелами, умирали, судя по внешнему виду и одежде, два одноплемянника юноши. Но жизнь они отдали не зря: рядом с ними корчились в предсмертных судорогах два гунна.

– Это, наверно, уличи! Или тиверцы⁸! – сказал Кий. – Юному воину долго не продержаться! Поможем-ка ему, братья! Спасём тех несчастных! Живее!

Братья недолго целились, резво свистнули три стрелы – и двое из нападающих, словно наткнувшись на невидимую преграду, упали и покатались вниз, на дно ущелья. А третий, стоящий ниже, вдруг выпустил из рук саблю и испуганно оглянулся. Увидев на круче трёх воинов с заведёнными на него луками, он упал на колени и стал молить о пощаде.

– Не стреляйте! – сказал Кий братьям и, прыгнув с кручи, соскользнул почти по отвесной глинистой стене вниз.

Щек и Хорив последовали за ним.

Связав пленника и забрав всё оружие гуннов, братья стали быстро взбираться вверх, где ни живы ни мертвы стояли, обнявшись и всё ещё не веря в спасение, две женщины и отрок лет четырнадцати-пятнадцати. Они недоверчиво смотрели на своих спасителей, крепко держа в руках копьё.

– Не бойтесь нас! Мы поляне, из рода русов! – крикнул Кий.

– Ой ли? – подала голос старшая из женщин, не опуская копьё.

– Клянусь Световидом! Меня зовут Кием, а моих братьев Щеком и Хоривом.

– Что вам от нас нужно?

– Мы избавили вас от ворогов, а теперь хотим и помочь! Кто вы?

– Это князь улличей Добромир, – указала старшая женщина на раненого, – я княгиня Искра, а это наши дети – Цветанка и Боривой.

Княгиня опустила копьё и в изнеможении села возле князя. Княжич и княжна тоже опустили оружие.

– День добрый, – поздоровались братья. – Благодарите богов, что мы вовремя подросли!

– Доброго вам здоровья, милые отроки, – тихо произнёс раненый князь, пытаясь подняться. – Благодарствую за всех нас! Вы спасли несчастного князя улличей и его семью...

К нему наклонилась княжна.

– Отче, тебе трудно говорить.

Но он отрицательно покачал головой.

– Ничего, доченька... ничего... Главное то, что теперь вы спасены и будете жить!

– Ты тоже, отче.

– И я... конечно...

⁸ Тиверцы – племенная группа восточных славян, жившая в низовьях Днестра, Прута и Дуная.

Последнее слово прозвучало неуверенно. Кий мог поклясться, что князь уже не надеялся на то, что будет жить. Выглядел он совсем плохо. Глаза болезненно блестели, на лбу проступили мелкие росинки пота, чёрные запёкшиеся губы едва шевелились, а грудь под окровавленной повязкой вздымалась часто и тяжело. Дыхание из полуоткрытого рта вырывалось со свистом. Казалось, что души предков уже реют над ним и зовут в далёкое путешествие, из которого никто никогда не возвращался.

На вид было ему лет пятьдесят. Лицо мужественное, помеченное несколькими старыми шрамами. В растрёпанных, мокрых от пота волосах поблёскивала седина. Большие сильные руки непрерывно шарили по траве, словно искали что-то, или судорожно старались сжать рукоять меча. По всему этому было видно, что князю Добромиру очень больно и очень тяжело.

– Князь, что же случилось с племенем уличей? – спросил Кий, взволнованный всем увиденным.

Имя князя Добромира было ему давно и хорошо известно. Да и кто не слышал о смелом князе уличей, которые жили в степи? Слава о нём далеко летела, опережая быстрые стрелы уличских воинов. Копыта коня Добромира не раз торили путь на Дон против кочевников, что огненными смерчами налетали на мирные поселения уличей, да и на Дунай – против гуннов, которые после смерти Аттилы распались на отдельные племена и разбрелись по разным краям.

Что же стряслось теперь с уличами? Почему князь Добромир оказался здесь, далеко от своей земли, без воинов, только с женой да детьми, тяжело раненный, почти при смерти?

Подобные мысли, судя по лицам Щека и Хорива, обуревали и младших братьев Кия.

Князь через силу улыбнулся и, преодолевая слабость, сказал:

– Не удивляйтесь, отроки... Как и всё на свете, слава людская имеет своё начало и свой конец... Вот пришёл и мой день. Разом кончились слава и могущество моего племени... Насланная, видимо, нам за грехи из-за Днестра ворвалась на наши земли орда Эрнака... Гунны на своём пути сжигали селения, вытаптывали посева... убивали мужчин, а жён и отроковиц забирали... чтобы продать ромеям в рабство... Едва я успел собрать горстку воинов, как Эрнак напал на нас около Кремневой горы... До вечера мы стойко оборонялись... Ни на шаг не удалось им нас потеснить. Но... гунны покрыли всё поле, как вороньё. Окружили нас со всех сторон... Боги отвернулись от нас... Мои воины все полегли мёртвыми... И вольные, гордые уличи стали рабами гуннов, как при кровавом Аттиле...

Князь Добромир умолк и в изнеможении закрыл глаза. На губах у него показалась кровь. Цветанка вытерла её рукавом своей сорочки.

– Ему нельзя так много говорить, – взглянула с осуждением на Кия, словно тот был виновен в том, что князь потерял столько сил.

– Я молчу, – ответил Кий и только теперь внимательно посмотрел на девушку.

Их взгляды встретились.

Встретились на какое-то мгновение. Но оно показалось им обоим долгим-долгим, как вечность. И вместе с тем неожиданно тревожным и радостным, волнующим и счастливым... На это мгновение для них внезапно исчезло всё, что их окружало, – и раненый князь-отец, и обессиленная княгиня-мать, и братья, и пленный гунн, и оставленные на произвол кони, и весь белый свет.

Один лишь Световид своим золотым взором проникал в их молодые сердца и как бы звал, манил в незнакомые, неизведанные дали.

«Какая она необыкновенная, – подумал Кий. – Измученная тяжёлой опасной дорогой, напуганная преследованием смертельных врагов, с загоревшим на знойном солнце и обветренном на степном воздухе лицом, с потрескавшимися губами и шершавыми руками, в разорванной и окровавленной одежде – так неожиданно хороша!.. Глаза – как чистые плёсы Роси, когда в них отражается бездонная голубизна небес! Косы – густые и мягкие, цвета спелой пшеницы.

А стан её – гибок и строен, и вся она – как молодая берёзка... Найдётся ли такая среди наших полянок?»

Тем временем Цветанка думала почти то же самое:

«Вот мой спаситель! Если бы не он с братьями, отец и Боривой лежали бы сейчас мёртвыми на дне этого чужого ущелья, а меня с матерью гунны тянули бы на аркане в страшную ненавистную неволю... Какой он сильный, мужественный и красивый! Какой нежный, ласковый у него взгляд!..О бессмертные боги, покарайте меня за то, что я думаю сейчас не об умирающем отце, погибших в бою братьях и родичах, не о несчастной матери, а об этом чужом красавце-воине!»

Они ещё не перекинулись между собой ни единым словом, но чудесный язык взглядов сказал им больше, чем все слова на свете. Они оба поняли, что с этой поры не будет им покоя, не будет счастья-радости, если не смогут глядеть друг другу в очи, ласкать друг друга влюблёнными взглядами. Поняв это, Цветанка покраснела и отвела взгляд.

А Кий, поначалу смущённо, сказал:

– Не надо мешкать – нужно поскорее добраться к нам, на Рось... Там волхвы заговорят раненому кровь, смажут раны своей чудодейственной мазью, перевяжут – и боги помогут князю выздороветь... И также не последнее дело – предупредить наших родичей-полян об опасности. Если гунны одолели уличей, то захотят напасть и на другие племена. Заберётся волк в кошару – всех ягнят перетаскает! – И обратился к братьям: – Помогите поднять князя!

Они снесли Добромира вниз, и, пока младшие укладывали его на послужившую уже добрую службу и крепко привязанную между сёдел попону, Кий подошёл к пленнику-гунну, развязал ему ноги.

Тот исподлобья глянул на юношу угольно-чёрными глазами, медленно встал.

– Как тебя звать? – спросил Кий.

Гунн молчал.

Кий ткнул себя в грудь пальцем:

– Я – Кий... Кий... А ты? – кивнул ему.

Гунн, кажется, понял, о чём его спрашивает великан-славянин, и коротко крикнул, словно ворон:

– Крек.

– Крек?... Вот и ладно, что ты начал меня понимать, – удовлетворённо сказал Кий. – Тогда, может, откроешь нам, что задумал каган Эрнак? Вернётся ли он в свои становища или будет нападать после уличей ещё на кого-нибудь?

Крек насупился и молчал. Его тёмное, густо усеянное оспинами лицо было неподвижно и непроницаемо. Он походил сейчас на каменную бабу на степном кургане.

– Сколько у Эрнака войска? Он пришёл сюда только со своим или ещё и с другими племенами?

Подошли Щек и Хорив, стали прислушиваться.

Крек бесстрастно смотрел на молодого воина, но в его узких чёрных глазах появилась тревога, которую ему не удавалось скрыть.

Щек схватил его за грудь – начал трясти.

– Да отвечай же, степной шакал, когда тебя спрашивают!

Тот что-то буркнул на своём языке и вновь застыл.

– Не понимает по-нашему, – решил Кий.

– Да что с ним морочиться! Прикончить – и всё! – Щек решительно взмахнул рукой.

Но Кий рассудил иначе:

– Прикончить никогда не поздно... Посадите его на коня – заберём с собой! Отец кое-что помнит, как они говорят, – расспросит как следует.

* * *

Солнце стояло в зените и пекло немилосердно. Все были очень утомлены, хотели есть и пить. Но Кий не давал ни минуты отдыха: опасался, что гунны, обнаружив исчезновение своих воинов, пошлют по их следу погоню. Выведя семью князя Добромира из ущелья и забрав своих коней, он выбрал кратчайший путь к Роси через Высокий курган и Чёрный лес.

И хотя все понимали, что нужно торопиться, ехали медленно. Смертельная усталость и жара отняли и у людей, и у коней последние силы.

Над безлюдной степью нависла сонная тишина. Ни облачка в небе, ни дуновения ветерка. Слышно только, как лениво пересвистывались сурки да шелестит под копытами коней сизый ковыль.

Дорогу прокладывал Щек, а Кий и Хорив держались позади, внимательно осматривая далёкий горизонт: не покажется ли где островерхий колпак гунна.

Но всюду спокойно. Дрожит белёсое марево, съедая синеву вдаль, парит в высоте тёмный орёл, монотонно гудят над красными головками чертополоха важные пушистые шмели.

Так ехали до вечера. А когда приблизились к Высокому кургану, Кий велел останавливаться на ночлег.

– Высокий курган... Здесь будем ночевать...

Князь Добромир, дремавший всю дорогу в полузабытьи, услышав это название, вдруг встрепенулся, открыл глаза, начал ворочаться в попоне, стараясь приподнять голову.

– Высокий курган?.. Покажите мне его!.. Поднимите так, чтобы я мог увидеть...

Выбрали место над ручейком, неподалёку от тенистого зелёного гая. Коней стреножили и пустили пастись. Для Добромира намостили из травы и ветвей мягкое ложе на бугре, чтобы виден был ему Высокий курган.

Напоив князя холодной ключевой водой, положили отдыхать. Такое же ложе приготовили для женщин. Гунна, чтобы не сбежал, привязали к дереву. И только после этого братья начали готовить еду.

Пока Щек, Хорив и Боривой собирали сухой хворост и раскладывали костёр, Кий ошипал и выпотрошил стрепета, разрубил его мечом на куски. Затем нарвал каких-то пахучих трав и накопал съедобных кореньев. Всё это сложил в закопчённый бронзовый казанок, который возил с собою у седла, и наполнил его водой. Вскоре в казанке, подвешенном над огнём, забулькало, заклокотало – и из него пошёл заманчиво-вкусный ароматный запах.

Не прошло и часа, как еда была готова.

Кий вынул из торбы ковригу хлеба – разрезал на ломти, достал несколько деревянных ложек.

– Князь, княгиня, угощайтесь... Цветанка, Боривой, братья, – к трапезе!

Сначала он поставил казанок поближе к ложу князя. Но тот, похлебав немножко юшки, почти сразу отложил ложку.

– Благодарствую... Больше не хочу... А вы подкрепляйтесь!

Снедь была вкусная. Нежное мясо так и таяло во рту.

Изголодавшиеся княгиня, княжна и княжич, не смущаясь присутствием братьев-полян, которые взяли себе по ломтю хлеба и по куску мяса, уплетали все совсем не по-княжески.

Казанок быстро опустел. Цветанка с благодарностью подняла глаза на Кия. Опять не сказала ни слова. Только взглядом приголубила – словно коснулась нежно рукой... И от этого взгляда, как и там, в ущелье, у него в груди поднялась сладостно-волнующая и одновременно тревожная волна. С чего бы это?

Княгиня за всех своих поблагодарила, а Кий сказал:

– Теперь всем – поживать! Отдыхайте, а то, как только займётся десница, я вас разбужу, и мы снова двинемся в путь...

Княгиня Искра с Цветанкой легли рядом с князем на душистое ложе и сразу же заснули. Шек, Хорив и Боривой улеглись прямо на земле, а Кий пригасил костёр и сел на небольшом бугре, поблизости от князя, решил сам оберегать сон своего усталого отряда...

Князь долго не мог заснуть. Ворочался, стонал, что-то тихо шептал и не отрывал взгляда от Высокого кургана, виднеющегося в синей мгле.

Кий склонился над ним и тихо спросил:

– Что, неможется тебе, князь? Раны болят?

Добромир чуть шевельнул рукой.

– Болят... Даже очень... Но ещё больше горит душа!..

– Почему?

– Видишь Высокий курган?

– Вижу.

Кий взглянул на гору, закрывающую собою полнеба.

– Там, на самой вершине, сто лет назад был распят мой прадед...

– Твой прадед?

– Да, король венетов, или, по-ромейски, – антов⁹ – Бож... Видимо, боги привели меня сюда, чтобы и я тут сегодня сложил голову от ран, нанесённых врагами.

Князь говорил через силу.

– Король Бож! – воскликнул безмерно удивлённый Кий. Сколько песен, преданий и сказок слышал он о славном короле венетов – не счесть! И – вдруг такое узнать... Даже не верится! – Он и вправду твой прадед, кряже?

– Да... Я Божич... Правнук его бесталаный...

Кий вскочил на ноги. Сразу отлетела усталость, сон – как рукой сняло!

Невероятно! Подумать только! Далёкое прошлое, о котором столько было бесед долгими зимними вечерами в тёплых хижинах при мигающем огне лучины или очага, вдруг приблизилось, дохнуло на тебя гомоном давно отшумевшей жизни и встало перед глазами словно наяву. Оказывается, сказочный король Бож – вовсе не сказочный. Нить жизни от него тянется прямо к князю Добромиру, а потом – и к Цветанке. Цветанка – праправнучка самого Бога!

Кий почувствовал, что не может отличить – где сказка, а где явь. И ему стало немножко страшновато, как будто души умерших вдруг вернулись в этот мир, в котором он живёт, и громко заговорили, задвигались вокруг. А потом стали что-то нащёптывать, звать его к себе.

Всё смешалось...

Гунны, король Бож, князь Добромир с женой и детьми, множество каких-то других людей или скорее их тени, что теснились вокруг него... Степная лунная ночь с таинственными звуками и запахами, крик совы в лесу под горой, древние предания, дошедшие из глубин прошлого... Всё перепуталось в его растревоженном воображении, всё стучалось в сердце...

Кий долго стоял на берегу ручья, журчащего вниз, между каменистыми скалами, вслушивался в шорохи ночи, взволнованный, окутанный тревожными мыслями.

Медленно погружался в сон лагерь беглецов, хрумкали сочную траву стреноженные лошади, впал в забытье князь Добромир, похрапывал во сне привязанный к вербе Крек...

А Кий стоял и смотрел, как вдалеке за ручьём тёмным привидением вздымается гора, названная Высоким курганом, как луна льёт на него призрачно-серебристый свет... И ему вдруг показалось, что на вершине зашевелились какие-то неясные тени, зашумели далёкие

⁹ *Анты* – восточнославянские племена, в IV–VII вв. заселившие территорию между Днестром и Днепром.

глухие голоса, заколыхались, как белые лебеди, чьи-то неестественно длинные, протянутые вдаль руки...

Неужели это король Бож?

Сказ про короля Божа

Славяне издавна жили по Днестру и Бугу, по Роси и по Днепру, по Десне и по Припяти до самых Карпат и Вислы. И ещё далее вокруг. И никто не ведает, когда они осели на этих землях и откуда пришли. Ибо Мир велик, и всегда кто-то откуда-то приходил.

И сеяли славяне, как и сейчас, пшеницу, жито, просо и ещё – коноплю и лен. Сажали чеснок, лук, репу и капусту. В степи и на лесных полянах пасли табуны коней, отары овец, гурты коров, а в реках ловили мерёжами щук, судаков, и стерлядей, и окуней, и линей, а неповоротливых усатых сомов били ночью острогами при свете факелов... В лесах, в дуплах старых вековых деревьев, гнезилось множество пчёл, и кто не боялся отведать их острые ядовитые жала, тот всегда был с мёдом.

Чтобы защититься зимою от стужи, летом – от непогоды, а по ночам от хищного зверя, строили себе из деревьев и глины большие хижины и покрывали их соломой или очеретом¹⁰, а для скотины ставили повети – навесы.

Длинными зимними вечерами женщины при свете лучин пряли из конопли и льна пряжу, сучили шерсть и ткали полотно и сукно. Мужчины шили из кожи сапоги и постолы, из лыка плели лёгкие лапти, а из овчины, волчьих и медвежьих шкур шили кожухи. А ещё делали оружие: луки и стрелы к ним, копья, щиты, секиры. Умельцы плели мерёжи и вентери.

И было у них много родов и племён – поляне и древляне, северяне и вятичи, венеты, тиверцы и дулебы-вольняне, дреговичи, радимичи и кривичи. Всех и не перечесть... И самым многочисленным, самым сильным к тому времени было племя венетов... А в каждом роду – старейшина, которого, собираясь на вече, выбирали из самых сильных и мудрых мужей. А те уже выбирали князя, достойнейшего из старейшин.

И жили таким образом при самоуправлении, поклоняясь богам и принося им, как и ныне, требы – жертвы. И Световиду-Дажьбогу, и Перуну, и Сварогу, и Велесу, и Роду, и лесовикам, и водяникам, и домовикам, и русалкам, и берегиням... А ещё – рекам и озёрам, горам и лесам, полям и пущам...

И был у них общий стародавний покон¹¹ и язык единый.

Но вот как-то давным-давно через славянскую землю, прокладывая себе путь мечами, от холодного северного моря, зовущегося у тамошних жителей Балтом, или Болотом, по-над Припятью и Днепром, к тёплому Ромейскому морю прорвалось воинственное племя готов и осело по берегам тёплого моря. И начали они творить зло племенам и родам славянским, неожиданно налетая на веси и убивая мужей, а табуны и имущество их забирая себе.

И веселились по этому случаю, распевая песни, красивые жёны и девы готов, а славянские – шли по миру в нищете и горе, оплакивая погибших.

И тогда собрались князья и мужи-старейшины всех племён славянских на вече и решили: Божа, князя венетов, – которые соседствовали с пришлыми готами, – выбрать своим королём. А несведущие ромей и готы всех славян вместе прозвали в ту пору венетами, или, на своём языке, антами, так они зовутся и доньне.

И стал Бож править венетами.

Рассказывают, был он муж мудрый и многоопытный. Руки у него сильные и ловкие, а глаза, несмотря на старость, как у орла. Из лука птицу на лету сбивал, а копьём мог пронзить тарпана или сайгака насквозь. Одевался просто, как и все, – ходил в белой полотняной рубахе и таких же полотняных штанах, заправленных в мягкие сапоги из кожи жеребёнка. Седые волосы буйной гривой спадали с головы на плечи, а густая, тоже белая борода закрывала половину

¹⁰ Очерет – камыш, тростник.

¹¹ Покон – обычай.

груди. Большой нос и высокий, испещрённый морщинами лоб придавали ему сходство с владыкой птичьего царства – орлом.

Таким был король Бож.

Начав править венетами, он, прежде всего, послал королю Германариху дань – не обоз зерна, не табун коней или отару овец, не бочку мёда или мешок дорогих мехов, добываемых в наших лесах. А послал он ему меч!

Получив такую дань, Германарих очень разгневался, потому что понял – не желают венеты жить под властью готов. И, собрав великую силу, пошёл на них.

Бились они день, бились второй... А на третий день заплакали, заголосили красивые жёны и девы готов от страха великого. И их воины кинулись бежать без оглядки до самого моря.

И стали венеты вольными.

И готам пришлось жить тяжело – в тесноте и голоде. И разделились они пополам. Одно племя, с Германарихом, осталось на старых местах – возле Днепра да Днестра вдоль моря. И начали эти готы прозываться остготами, так как сидели они на восходе солнца... А другие откочевали на закат солнца, к Дунаю, а там и за Карпатские горы, – и потому прозвались вестготами...

Горд и спесив был король Германарих – поражение жгло ему сердце огнём. И начал он собирать силы готов, чтобы победить венетов, чтобы снова, как и раньше, платили они дань и хлебом, и мёдом, и скотом, и мехами, и полотном.

Но было ему сто и десять лет, и не дано было богами осуществить задуманное.

Из-за моря, из краёв дальних и неведомых, внезапно, как вихрь, налетело племя дикое и жестокое – гунны. И никто не знал, откуда оно взялось. Одни сказывали – из краёв северных, суровых, где никогда не показывается солнце, где владевают ветры, мрак и холод, снег и туманы... Другие же говорили – примчались они на своих косматых выносливых конях из-за гор высоких, из пустынь широких, морей глубоких, и страшною карой свалились на осёдлые племена за их многие грехи, и согнали их с насиженных мест, и развеяли по миру...

Низкорослые, тёмные лицом, с маленькими узкими глазами, к тому же кривоногие, ибо сызмала привыкли ездить верхом, гунны, тем не менее, были широки в плечах, сильны, сметливы. У мужчин – ни усов, ни бороды, а если и росли у кого-то, то редкие и жалкие. Зато волосы они никогда не подстригали, а заплетали, как женщины, в длинные косички... Летом одевались в рубахи из шкурки мелких зверей, а зимой – в овечьи кожухи шерстью внутрь и шерстью наружу. Такие кожухи не только хорошо оберегали от мороза и ветра, но и защищали от стрел, копий и мечей. Главное же – наводили ужас на тех, на кого нападали, потому что казалось – это не люди, а какие-то звери взобрались на коней и дико мчатся, осыпая противника тучами стрел с белым лебединым оперением и костяными наконечниками.

И дрогнули готы за Днепром. В первом же бою гунны разгромили их, выгнали со становищ, пригнули, как ветер пригибает ковыль. А Германариху всадили копьё в правый бок, и погиб бы он в том кровавом бою, если б молодые готы не подхватили его на руки и не вынесли из кровавого омота.

Собрались разгромленные вожди готов на вече. Задумался старый Германарих. Что делать? Где искать спасения? Кто может остановить гуннов? Идти за помощью к венетам? Просить Бога, чтобы кинул клич по бесчисленным племенам и родам своим и встал вместе с готами супротив общего врага?

Крепко задумался Германарих. Мучит его и жжёт рана от копья гунна.

– Что будем делать, мудрые мужи? – спросил вождей готов. – Есть у нас три возможности: первая – биться до последнего и со славою погибнуть, так как победить гуннов мы не сможем; вторая – пойти к гуннам на поклон и стать навечно их рабами; есть, наконец, и третья возможность – объединиться с венетами и получить надежду на победу!

Заволновалось, забурлило вече:

– Нет, нет, только не с венетами! Только не с Богом! – зашумели вожди, задетые за живое отказом венетов платить дань.

Поднялся молодой Винитар, внук Германариха по его брату.

– Если мы не можем победить гуннов, то поддадимся им и с их помощью разгромим венетов! – воскликнул он, горячась. – А потом, подчинив себе их силу, побьём и гуннов! Ведь горько и нестерпимо будет вольным готам жить под их властью.

– Правильно! Правильно! – закричали вожди. – Пускай Винитар едет к гуннам!

Ещё ниже опустил голову старый Германарих и долго сидел молча. А потом сказал:

– Мне так много лет, что кажется, прожил не одну жизнь, а две. И прожил их в славе и величии. Потому и не хочу остаток дней своих провести в рабстве. Делайте, как знаете... А я умру вольным человеком!

С этими словами достал меч и пронзил себе сердце.

Долго стояли потрясённые вожди над мёртвым владыкой. Потом, похоронив его, избрали королём Винитара, а он, чтобы ещё более утвердиться во власти, тут же взял себе в жены правнучку Германариха Вадамерку, прекраснейшую из прекрасных златокудрых дев.

Но не принесла им счастья женитьба. Не были они счастливы, став королём и королевой готов.

Отправился Винитар с вождями и молодой женой к кагану гуннов Баламберу и сказал:

– О великий каган, силы твои неисчислимы! Разбил ты могучих аланов, погромил их союзников, победил и деда моего Германариха, которому не было равных среди королей! Разве может теперь кто соперничать с тобой? Никто!.. Я признаю твоё превосходство и согласен вместе с подвластными мне готами войти в твою державу!.. Прими нас под свою могучую руку, каган!

Пока Винитар говорил, Баламбер не сводил глаз с ясного красивого лица юной королевы готов.

Когда Винитар закончил, каган сказал:

– Мудро ты мыслишь, рикс¹², мудрее, чем твой дед Германарих, осмелившийся поднять меч на меня... Я принимаю твоё племя под свою руку, и с этих пор оно должно платить гуннам ежегодную дань скотом, лошадьми, рабами и золотом, а мне, помимо этого, – ещё и вашими прекрасными девами... Такими, как твоя жена, – добавил медленно и вновь прикипел взглядом к красавице Вадамерке.

Как от удара вздрогнул Винитар. Страшная тревога сжала ему сердце и наполнила его такой лютой ненавистью, что вот-вот готова была вырваться из него, как кипящая вода из казана.

Вожди побледнели. Что сделает король? Одно неосторожное движение, одно запальчивое слово – и гунны посекут их, как глупых баранов!

Зловещая тишина повисла в шатре кагана.

Но вспомнил король готов, зачем он сюда приехал, и склонил гордую голову в низком поклоне.

– Я согласен, мой властелин, – тихо произнёс, словно выдавливая эти слова из себя.

Королева и вожди тоже поспешили поклониться.

С тех пор и утратили готы свою свободу.

Гунны же пошли дальше на запад покорять другие племена и добывать себе пищу и одежду, так как считали для себя недостойным пахать землю и сеять злаки, собирать их, молотить и молотить, а также выращивать коров, свиней, овец. «Копаться в земле да в навозе – это удел никчёмных рабов и других племён, а не свободных и гордых гуннов», – надменно говорили они.

¹² Рикс, рекс – король.

А Винитар, узнав, что гунны ушли далеко, решил сделать то, что прежде задумал Германих. Втайне от гуннов собрал свои силы и пошёл на земли венетов.

Навстречу ему выступил Бож с сыновьями и князьями и со всей ратью венетов.

В первом же бою венеты, дружно ударив, потеснили готов и заставили их бежать. Во втором бою Винитар тоже не смог победить и решил применить хитрость. Он понимал, что объединённые венетские племена ему не одолеть. Но как их разобщить?

Он сделал вид, что отступает. Снялись готы со своих стойбищ и пошли на юг. Оставили на ближайшем стойбище одного старого больного гота Вурма, с которым Винитар перед уходом долго о чём-то говорил.

Пришли венеты и нашли Вурма. Привели его к Богу и князьям. И стали те его спрашивать:

– Почему король готов отступил, старче?

– Он не отступил, а бежал, как последний трус, – ответил наученный Винитаром Вурма. – Он сказал своим вождям: «Сила венетов безмерна. Нам никогда не победить их. Дважды они одолели нас, и потому испытывать судьбу в третий раз – настоящее безумство!» Поднял всех своих воинов и пошёл назад, к себе в степи у моря...

Обрадовались вожди венетов и, вопреки воле Бога, считая войну оконченной, каждый со своим войском потянулся домой. Король Бож остался один со своей дружиной, так как его земли соседствовали с землёю готов.

И тогда, проведав об этом от своих тайных лазутчиков, хитрый и коварный Винитар повернул назад и в третий раз напал на венетов.

Сошлись два войска в поле и бились два дня, покрывая землю мёртвыми телами. Звенели мечи, разили копья, свистели стрелы, ржали кони и, умирая под их копытами, хрипели раненые воины.

Но венетов было теперь значительно меньше, и на третий день Винитар поднял чашу кроваво-красного вина за свою победу. Падали и падали храбрые мужи венетов, прихватывая на тот свет и врагов своих. А король Бож с сынами бились наравне со всеми, и не раз его меч обагрался кровью готов.

Увидел это Винитар и, охваченный ненавистью и слепой мстостью, приказал свите своей и дружине, которые были при нём, пробиться к королю венетов и взять в полон. Ринулись те, как стая чёрных воронов, окружили раненных стрелами, посечённых мечами, но ещё живых воинов-венетов, вырвали у них оружие, связали верёвками руки, привели к Винитару – поставили перед ним.

И стояли они так: с одной стороны поредевшее войско готов со своим королём, а с другой – окровавленный король Бож с сынами и семьюдесятью князьями и воинами.

Выехал вперёд Винитар и, не слезая с коня, сказал:

– Зачем бился со мною, Бож? Почему не поддался сразу? Погляди, сколько воинов-готов погубил! А это была вся моя опора и надежда! С ними хотел разбить гуннов и снова стать вольным властителем степей! А теперь что?

Взглянул старый Бож сквозь пелену кровавых слёз на трупы венетов и готов, что лежали в обнимку, как братья, и так ответил:

– Глупый же и неразумный, рикс! Коли ты задумал сделать готов опять вольными, то должен был не с мечом идти к нам, а со словами мира и дружбы, как добрый сосед. Вот тогда вместе выступили бы супротив кочевников!.. А теперь – поздно: не пойдёт народ венетов за тобой! И сам погибнешь от руки гунна, и племя твоё рассеется среди других племён, как пыль придорожная по стерне – без следа. И сгинет злая слава твоя... И никто не пожалеет, не вспомнит тебя!.. Жаль только, что и нашу силу подсёк на корню, обрёк на страшное лихолетье. Покорили гунны твоё племя, покорят теперь и нас!..

Умолк Бож и, залитый кровью, поддерживаемый сынами, стоял прямо и гордо, будто вовсе не он побеждённый. Степной ветер остужал его раны и играл седыми волосами, – и они звенели, как серебро. И сыны его смотрели смело на победителя, и другие венеты тоже, и ни у кого из них не было в глазах страха.

Сжалось от страшных пророчеств сердце Винитара.

Он побледнел от гнева и злобы – закричал:

– Вот как заговорил ты, король!.. Не пощады просишь, не умоляешь жизнь тебе и твоим сохранить, а смеешь ещё и угрожать!.. Так знай же – не бывать по-твоему! Победил я венетов – пересилю и гуннов! Но тебе уже не видать этого, ты умрёшь лютой смертью! – И приказал своим дружинникам: – Распять короля вместе с сыновьями и князьями его! Распять на высоких крестах и поставить на горе, чтобы видели все и ужасались!

Схватили воины короля Божа, его сынов и князей – распяли на крестах, поставили на Высоком кургане, откуда видна была земля венетов, и скончались они в страшных, нечеловеческих муках...

А Винитар?

Недолго тешился он неразумной и подлой победой. Узнал каган Баламбер, что готы без его позволения напали на венетов и победили их. Встревожился усилением своего ненадёжного союзника и велел передать ему: «Ты возжелал для готов победы, а для себя – славы. Сегодня ты напал на венетов, а завтра, обуреваемый гордыней, нападёшь на меня!.. Но этому не бывать! Иду на тебя – проучу возомнившего о себе!»

И пошёл на Винитара войной.

Сошлись они на реке Днепр, который готы называли – Данапр, гунны – Гуннивар, то есть река гуннов, а некоторые другие племена зовут по-своему – Эррак.

Люто бились они и день, и другой. Стонала, гудела под копытами коней земля, лилась ручьями кровь, наводя страх на войско готов, а стаи воронов закрывали полнеба.

И увидел Баламбер Винитара, который рубился наравне со всеми. Наложил стрелу на свой, клеенный из прочного вяза-дерева, тугой лук и послал стрелу ему прямо в голову.

Винитар замертво упал под ноги своего коня.

И бросились готы бежать, охваченные отчаянием и страхом. А гунны догоняли их и рубили острыми саблями, разили копьями, вязали арканами и тащили, как скотину, в рабство.

Победил готов Баламбер и взял себе в жёны златокудрую красавицу Вадамерку.

И сбылось пророчество Божа. Винитар погиб, а его племя покорилося гуннам и рассеялось по свету, нигде не находя себе постоянного пристанища...

Кроваво-красная луна медленно заходила за Высокий курган, и тёмная тень всё шире и шире покрывала ночную степь. Кий долго смотрел, как багровый круг скрывался за горой, и ему казалось, что там, на вершине, на самом шпиле, шевелятся какие-то громадные фигуры... Может, это тени, а может, на высоких столбах снова умирает, распятый вместе с сынами и князьями, король Бож? И может, это не багряное лунное сияние струится с неба, а их кровь стекает с горы в шумный степной поток? Может, в глубине горы до сих пор живёт душа короля Божа?

Долго стоял Кий, погружённый в раздумья, пока луна вовсе не скрылась за Высоким курганом и землю не охватила непроглядная тьма. Тогда он вздохнул, направился к биваку и, убедившись, что все спят, а вокруг разлилась мирная тишина, прилёг и сам на душистую траву.

Но дремал он чутко. Как только на востоке занялась заря и в степи защебетали птицы, он вскочил, с удивлением посмотрел на Высокий курган, стараясь понять: видел ли он тень короля Божа наяву или это ему померещилось, и начал будить своих спутников.

Рось

Рось – праотеческая река рода рось или русь, который с незапамятных времён расселился по её берегам и притокам – Рославы, Роськи, Роставицы, Молочной, Хороброй и Протоки. Род этот разросся так, что стал большим, как племя.

Иногда тихо и плавно, а иногда стремительно несёт Рось по каменистому руслу свои чистые прозрачные воды. То здесь, то там над нею поднимаются высокие кручи, темнеют густые дубравы, шумят леса. В дубравах и борах водятся вепри, туры, олени, косули, волки, гнездятся птицы, в дуплах старых деревьев мирно гудят пчелиные рои. В густейших чащах живут лесовики и души умерших предков – домовики, или домовые. В водах реки так и кишит рыба – плотва, щука, лещ, сазан, окунь, судак, стерлядь, а в тихих заводях, в глубине тёмных до синевы ям, плещутся русалки и водяники, или водяные. В лунные ночи они выходят на зелёные береговые поляны и водят свои хороводы.

Род русь – один из многих в племени полян. Веси полян привольно раскинулись на визитных поймах, на больших лесных лужайках и опушках, удобных для хлебопашества. Никакими природными преградами не защищённые от вражеских набегов, селились вдоль рек да в привольных долинах, также вблизи от воды. Только жилище старейшины рода Тура – на острове, омываемом бурными потоками порожиистой в этом месте Роси.

Остров большой. Стоит он на самой быстрине каменной громадой, которая за многие века потрескалась и раскололась на глыбы разной величины. А Рось, как разъярённый зверь, бьётся о его подножие, мечется по камням, прорывается по узким щелям между скал и мчится дальше, в тёмную пучину. Здесь всегда, и днём и ночью, летом и зимой, стоит непрерывный гул, а в солнечные часы в мелких водяных брызгах играет яркая радуга.

Вниз по течению остров постепенно снижается, переходит в широкую плодородную равнину, засеянную разными злаками. Здесь раскинулось селище Тура, прозванное Каменным Островом.

В полдень к южному берегу подъехало несколько всадников. Передний что-то крикнул через реку старику, дремавшему на солнышке возле подъёмного деревянного моста. Тот радостно замахал руками и сразу стал опускать на крепких конопляных канатах перекидной настил. Всадники спешили и, не торопясь, осторожно перебрались на остров. Навстречу им от селища с лаем выскочило несколько псов. Потом появились люди.

Русоволосая девушка в длинной белой сорочке закричала:

– Отче, отче, Кий с братьями вернулись!

Из большой хижины, стоящей посреди селища, вышел Тур. Приложил руку ко лбу, прикрывая глаза от солнца, чтобы лучше разглядеть прибывших.

За ним на площади собрались родовичи – старшие и младшие, седые деды и стройные крепкие отроки, сторбленные старушки и розовощёкие девушки, подростки и совсем малые, только начавшие ходить, дети. Высыпал весь род. Никто, порой и сам Тур, не мог определить степень родства некоторых из этих людей с семьёй старейшины. Жили они здесь издавна, и все друг друга считали близкими.

Девушка помчалась навстречу братьям.

– Что хорошего привезли из степи?

Кий обнял сестру.

– Только гостей, Лыбедько!.. Передаём их на твоё попечение – устрой всё как следует!.. – указал на измождённых уличей. Тут же добавил: – Покличь поскорее волхва Ракшу – пускай придёт: раненого привезли!

Лыбедь кивнула ему, а всем поклонилась и убежала.

К сыновьям и тем, кто с ними прибыл, подошёл старейшина. Его встревоженный взгляд задержался на незнакомых женщинах и отроке, едва стоящих на ногах от усталости, потом на взмыленных конях, на диковатом гунне со связанными за спиной руками. Вдруг он увидел измученное лицо, что выглянуло из походных носилок.

– Князь Добромир? Откуда? Какими судьбами? – Но заметив, что тот едва шевелит губами, обернулся к Кию: – Что с ним?

– Гунны разгромили уличей, отче.

Тур содрогнулся.

– О милостивые боги!.. Не может этого быть!

– Но это так, отче. – Кий пожал плечами. – Не прошло и недели, как это случилось. Почти вся дружина князя Добромира погибла. К счастью, княгиня, княжна и княжич спаслись.

– Что же дальше задумали гунны?

– Только богам это ведомо... Князь Добромир думает, что каган Эрнак хочет восстановить такую державу гуннов, какой она была при Агтиле. Из Мезии¹³ он перебрался на левый берег Дуная, и, чтобы соединиться с родственными акацырами, кочующими вдоль моря, Эрнак сначала напал на уличей, которые стояли на его пути. А если две орды гуннов объединятся, то...

– Пойдут на нас?

– Наверно. Разве найдётся, кто сможет им помешать?

– Да... некому, – задумчиво произнёс Тур. – Тиверцы, если ещё не разбиты, сами в страхе великом, как бы Эрнак на них не пошёл.

– Лазутчики гуннов вскорости могут появиться здесь и разнюхать, что мы к отпору не готовы... Не повелишь ли, отче, поехать к князю Божедару и отвезти ему пленника? Пусть расспросит его...

– Ты разумно говоришь, Кий. Отправим гунна к князю Божедару... И гонцов пошлём по всем родам полянским – пусть предупредят об опасности!

– Хорошо, отче, – поклонился Кий.

– Ну а теперь – несите князя Добромира в хижину. Да осторожно! Чтоб не повредить ему...

Волхв Ракша снял с плеча кожаную торбу, положил её на лавку, в ногах князя Добромира, и обвёл суровым взглядом пёструю толпу, заполнившую половину жилища. Густые седые волосы, перевязанные через лоб ремешком, спадали ему на плечи и на спину, пучком торчали на макушке.

Всем стало не по себе. Никому не хотелось встретиться с пронизывающим взглядом старика. Кто его знает, что у него на уме?

Передние попятились, оттесняя тех, кто стоял у порога. Кто-то наступил соседу на ногу, кто-то кого-то толкнул. Послышались приглушенные охи и ахи.

– Идите отсюда прочь, чада! – загудел сердито старик и замахал на людей руками. – Пусть останутся только Тур, Кий, княгиня да ещё Лыбедь!

Толпа заколыхалась. Родовичи начали поспешно выходить наружу. Одна Цветанка несмело шагнула к волхву.

– Деда, а мне повелите остаться? Это мой отец, – и нежно взглянула на раненого.

– Твой отец?... – Ракша погладил дивчину ссохшейся ладонью по давно не чёсаным косам. – Нет, отроковица, тебе тем паче нельзя здесь быть... Иди походи на воле.

Цветанка медленно вышла.

¹³ Мезия – римская провинция между нижним течением Дуная и Балканскими горами.

Ракша повинычал из маленьких круглых оконеч тряпичные заслонки, и внутрь ворвались яркие солнечные лучи. Подойдя к Добромиру, долго всматривался в него, что-то бурча себе под нос.

Князь лежал на широкой, застеленной овчинной полостью, лавке. Тяжело дышал. На волхва не обращал никакого внимания. Только раз открыл помутневшие глаза и пристально посмотрел на старика долгим, испытующим взглядом. Потом снова опустил веки.

Тем временем Ракша начал что-то напевать и притопывать ногами, обутыми в кожаные тёмные постолы. Постепенно пение становилось громче, а движения ускорялись. Волхв поднял вверх узловатые руки, затряс головой так, что волосы сзади разлетелись, как на ветру, и тут же пустился в быстрый танец. Постолы глухо шаркали по глиняному полу. В ритме пляски из уст старика срывались какие-то маловразумительные слова-заклинания, которые как удары бубна подхлестывали его и заставляли двигаться всё быстрее и быстрее.

В его бормотании слышались порою знакомые слова, но они перемежались с совсем неизвестными, со странными возгласами, вызывавшими в сердцах присутствующих тревожное чувство. Часто повторялся один и тот же припев:

Чорна смерте-моровице,
вража язво-язвовице,
мертва кривце-кривавице,
йдіть на води, на три броди,
йдіть до лісу, до трілісу,
йдіть на луки, на прилуки,
цур вам пек, цур вам пек!

Внезапно волхв остановился, умолк, тяжело переводя дух, потом взял торбу и начал вытаскивать разные колдовские снасти: кремень, кресало, трут, пучок сухой травы, нож, длинное широкое шило и маленький закопчённый горшочек с отогнутым наружу венцом, как у макитерки.

Всё это разложил на скамье.

Высек огонь, поджёт траву, от неё по хижине разнёсся лёгкий приятный аромат. Окурил раненого со всех сторон, колдун кинул остатки травы в кабицу – открытую печь в углу – и принялся снимать с князя уличей затвердевшие от крови повязки. Ему стала помогать княгиня Искра.

Волхв долго смотрел на рану в груди.

– Наконечник стрелы там?

– Там, – ответила княгиня.

– Хм, хм, плохо. – Ракша прошептал что-то себе под нос и глянул на Лыбедь: – Принеси, отроковица, кусок полотна и кувшин тёплой воды... А вы, – обратился к мужчинам, – помогите мне вытащить из раны подарок гунна... Держите князя покрепче!

Тур и Кий, сжав зубы, взяли князя Добромира за руки и за ноги. А Ракша осторожно ввёл шило в рану.

Княгиня вскрикнула и отвернулась. Кий почувствовал, как у него в руках вздрогнуло, напряглось и замерло тело князя. Из раны пошла кровь.

– О боже!.. – прошептал бледными губами князь Добромир.

Волхв, казалось, ни на что не обращал внимания. Быстро поддел и вытащил небольшой наконечник стрелы.

– Есть! – и бросил в кабицу.

К этому времени Лыбедь принесла тёплой воды и свиток выбеленного на солнце полотна. Волхв обмыл раны на груди и на ноге, смазал светло-коричневой мазью, которую зачерпнул прямо пальцем из горшочка. Потом туго перевязал раны.

После этого ещё немного побормотал над князем, снова окурил его дымом пахучей травы и собрал свои снасти в торбу.

Выйдя с ним наружу, Кий спросил:

– Поправится князь? Помогут ему твои мази и заклинания, волхв?

– Не каждому они могут помочь, – ответил старик и, оглянувшись, понизил голос: – Не заговоры и мази лечат, а боги! А они отвернулись от князя уличей. Душа его уже готовится оставить тело и переселиться к предкам...

– И никакой надежды?

– Нужно жертвой задобрить Световида... Может, тогда...

Старый Ракша замолчал и побрёл в свою сторону, а Кий, огорчённый словами волхва, остался на месте. К нему подошла Цветанка, тихо спросила:

– Он умер?

В глазах у неё стояли слезы.

– Нет, живой...

Кию не хватало духа сказать ей, что надежда на выздоровление отца совсем мала, если она вообще осталась. Смотрел, как ещё больше побледнело девичье лицо, а в глубоких голубых глазах затаился страх.

– Чует моё сердце – помрёт, – прошептала Цветанка и заплакала.

Стояла перед ним измученная тяжёлой опасной дорогой, убитая горем. Руки и ноги до крови исцарапаны колючими кустами да бурьяном, которых так много на степном бездорожье. Буйные косы спутались на голове, сорочка местами разорвана...

– Не плачь. – Кий тронул её за плечо. – Сегодня воздадим требу богам, чтобы защитили его... Если случится наихудшее, ты не останешься одинокой. Мой род не даст тебе погибнуть. А я... возьму тебя в жены. Буду защищать и оберегать тебя. Щек и Хорив станут тебе братьями. Во всем помогут. Сестрица Лыбедь позаботится о тебе... Не плачь!

Дивчина заплакала ещё безутешнее. Кий растерялся. Подошла Лыбедь.

– Что она так?

– По отцу убивается... По князю. – И юноша, обрадованный появлением сестры, сказал: – Возьми её к себе, Лыбедько, искупай, переодень в чистую одежду, приголубь... Ну, сама знаешь, что нужно... Присмотри, как за родной...

Разговор Тура с Креком не дал ничего нового. Несколько слов, которые ещё остались в памяти старейшины с молодых лет, когда ему приходилось встречаться с гуннами, явно не хватало, чтобы понять что-нибудь. К тому же Крек не проявлял ни малейшего желания понять, о чём его спрашивают. Сопел и молча посматривал из-под тяжёлых век на светлоголовых молодых русов и их седовласого отца.

Тур сплюнул в сердцах...

– Ничего от этого чучела не добьёмся... Собирайте, сыны мои милые, молодшую дружину! Пускай отроки садятся на коней и мчатся от рода к роду, от веси к веси! Пусть оповестят всех: держать наготове копыя и луки, мечи и щиты – гунны близко!.. А мы сейчас принесём богам требу, завтра же поедем к князю Божедару на Родень – отвезём пленника и расскажем об опасности...

– Хорошо, отче, созовём дружину, – ответил Кий и обратился к Щеку: – Иди, брат, поднимай младших. Пусть собираются к скале Световида.

Щек тряхнул кудрявым чубом и, не переспрашивая, отошёл в сторонку, заложил в рот пальцы, оглушительно засвистел. На этот сигнал отовсюду заспешили к нему отроки. Щек передал им наказ Кия, и те помчались собираться в путь.

– Сейчас будут, – сказал, возвращаясь, Щек. – Хлопцы мои быстры как ветер...

Тур одобрительно кивнул:

– А теперь воздадим требу Световиду и всем богам, чтобы благоволили к князю Добромиру и его родовичам, чтобы защитили его от смерти, а нас всех – от кровожадных гуннов... Хорив, возьми в повети ягнёнка – принеси к требищу! А тем временем и молодшая дружина соберётся к Световидовой скале...

Хорив быстро пошёл к повети, сплетённой из лозы и хвороста, обмазанных глиной. Вскоре он вынес на плечах ягнёнка и направился к водопаду, где среди зарослей виднелись серые скалы.

Все двинулись за ним.

Световид – самый высокий деревянный идол – стоял на возвышении перед скалами, откуда открывался красивый вид на реку, на водопад и прибрежные поля и леса. Это был бог солнца – главный Полянский бог. Ему приносили в жертву быков, коров, овец, свиней, домашнюю или дикую живность, а в дни большой беды и всеобщего горя – и людей тоже. Перед идолом – тёмное от пролитой крови круглое каменное требище.

Родовичи остановились перед Световидом.

Здесь же собрались воины из молодшей дружины – подростки, которых Кий с братьями учили всему, что должны уметь настоящие мужи. Их было ещё не много, – только те, кто находился поблизости. Другие подходили. В белых полотняных штанах и рубахах, загорелые, вихрастые, в постолах, а то и босые, они как-то незаметно, бесшумно появлялись из-за деревьев и кустов, становились полукругом позади старших родовичей.

Старейшина снял с плеч Хорива ягнёнка и положил на требище. Наступив на связанное животное ногой, поднял руки и громко заговорил, благоговейно всматриваясь в жёлтый лик верховного божества:

– О всемогущий Световид! Ты даёшь всему существу на земле свет и тепло, побеждаешь мрак ночи и зимний холод! Ты даёшь жизнь людям и деревьям, зверям и птицам, рыбам и змеям! Ты всё можешь. Будь же милосерден, боже, и защити князя Добромира от смерти, а нас – от грядущей напасти! Мы принесли тебе требу и молим, чтобы ты принял её в знак нашей любви и уважения к тебе, бог солнца и жизни!

С этими словами он вынул нож и одним взмахом перерезал ягнёнку горло. Ярко-красная кровь оросила камень требища.

Родовичи все хором вторили старейшине, простирая руки к идолу:

– Прими, Световид, требу! Защити нас от всякой напасти, лихого ока и злых духов!

Затем все опустились на колени – замерли в низком поклоне перед идолом, вершителем судеб людских и всего сущего на земле. И пребывали в таком положении, пока жертвенная кровь не запеклась и не высохла – знак того, что жертва принята.

Тогда волхв Ракша, подняв к Световиду руки, закружился в молитвенном танце – всё быстрее и быстрее. Седые его волосы развевались на ветру, глаза пылали, как у человека наевшегося дурмана, а из уст звучали слова моления.

Наконец он опустился в изнеможении на колени рядом с родовичами и долго стоял так, что-то беззвучно шепча сухими, с синими прожилками губами.

Умилостив бесстрастно взирающего вдаль идола, старейшина велел всем возвращаться назад, к своим хижинам, а сам с сыновьями и молодшей дружиной отошёл к краю скалы к обрыву, где клокотала вода.

Они стали кружком.

– Почто позвали нас сюда? – спросил стройный светловолосый отрок. – Только собрался ставить мерёжу, вдруг слышу – свист... Я бросил всё и бегом сюда... Что случилось?

– Имей малость терпения, Ясень, – коротко ответил старейшина. – Сейчас узнаешь...

Ясень тряхнул выцветшими на солнце льняными волосами, подстриженными под горшок, и посмотрел на Кия доверчивым, как у ребёнка, взглядом.

Кий улыбнулся и взъерошил хлопцу волосы. Любил отрока. Тот был одногодком с Хоривом, дружил с ним и, как всем было известно, не сводил глаз с Лыбеди... Даром что с виду хрупкий. Молод ещё?! Ничего – возмужает. Зато быстрый, сметливый и ко всему способный. Никто из отроков не стреляет так метко из лука, не разведёт так ловко костёр в мокром осеннем лесу, не испечёт так вкусно попавшего в силос тетерева, как он... А пробежать без отдыха от веси к веси, взять невидимый след и не сбиться с него – и в этом Ясеню нет равных.

– Гунны близко, други! Погромили уличей, смерти предали многих... – сказал Кий. – Потому и собрали вас сюда... Не мешкая садитесь на коней, мчитесь от рода к роду – оповещайте росян об опасности! Пускай воины готовят оружие и ждут условного знака... Часть из вас пойдут в степь нести сторожу...

– Когда выходить?

– Сразу же! Медлить нельзя!

Кий обвёл взглядом отроков. Хотя молоды ещё, но сильные, быстрые, выносливые. Загорелые лица, мускулистые руки, округлые мощные плечи, густые чубы... Его дружина. Други. Уже настоящие воины! Самому младшему – четырнадцать лет, старшим – Щек, Хориву, Ясеню и всегда молчаливому суровому Коню – семнадцать, восемнадцать и девятнадцать... Он научил их метко стрелять из лука, разить копьём, обороняться щитом, рубить и колоть мечом, ездить верхом, выслеживать врага и дичь, разводиться летом и зимой, в дождь и ветер костёр, чтобы испечь лепёшки, жарить мясо или просушить мокрую одежду, ходить пешком от зари до зари без отдыха, а ночью – находить путь по звёздам. И ещё – собираться по первому зову, переплывать реки, заговаривать кровь и перевязывать раны...

Даром что молодые – каждый уже стоит взрослого опытного воина. А главное – преданы ему, как братья. Старейшине и князю не добиться того, что его дружина сделает по его велению.

Все поделены на десятки, над каждой – старшим являлся десятский. А Щек, Хорив, Ясень и Конь – мужи велии – старшие над сотнями, сотские...

Поначалу это была игра. Тур даже посмеивался над этой затеей. Но когда увидел, как отроки искусно, метко стреляют, как бьют копьями в цель или, набросив на себя овчину, спят и в дождь и в снег в безлюдной степи, скоро убедился, что это далеко не игра, что все стали настоящими воинами, на которых можно положиться и в самую трудную пору.

Все они сейчас пристально и преданно смотрели на Кия, ожидая приказа. И он коротко сказал:

– Конь с тремя десятками – сторожите степь. Остальные – скачите от рода к роду с вестью о гуннах. На Росаву, на Красную, на Роську, на Стугну – до самого Ирпеня! Идите!

Родень

Через три дня в полдень Тур с сыновьями и пленённым гунном появились на берегу Днепра, где впадает в него светловодая Рось. Они поднялись на высокую гору по названию Родень. Вокруг неё издревле живёт княжеский род – родь.

С двух сторон гора словно срезана – крутые, почти отвесные стены обрывов окаймляют её. Над Днепром также поднимается ввысь каменная твердь. В самом узком месте перешейка, соединяющего гору с материком, – частокол и крепкие деревянные ворота. За ними – княжеское селище. А вдали – необозримые просторы левого берега, по которому на многие поприща¹⁴ тоже живут роды полян.

Стоял тёплый солнечный день. С Днепра веяло свежестью широких плёсов, густыми запахами камыша, осоки, раkitника и ольшаника. Из пологих, поросших тёмным грабом, клёнами и орешником оврагов доносилось весёлое щебетанье птиц, а в чистом голубом небе величественно парили гордые орлы.

– Как тут красиво, отче! – воскликнул восторженно Кий. – Каменный Остров всем нам нравится, но здесь лучше! Почему ты, отче, не поселился на берегу этой величавой реки? Почему твой брат, а наш стрый Межамир, – на Днепре, а ты – на Росе?

Тур улыбнулся в бороду.

– И у нас совсем неплохо... А если перебрать все красивые места, что я повидал за свою долгую жизнь, да сказать – выбери наилучшее, то и я растерялся бы. Так много их было! И на Дунае, и на крутобережном Рейне, и на тихой реке галлов – Сене, и в тёплой солнечной Италии... Где только меня с князем Божедаром в молодости не носило!.. А возвратился-таки на свою родную Рось – и не жалею, и лучшего ничего не хочу.

С этими словами он ударил древком копья в ворота. Из-за них послышался старческий голос:

– Кто там? Князь Божедар почивает...

– Отворяй, Лось! С Каменного Острова мы. Тура, небось, помнишь ещё?

– Тура! Как не помнить? Почитай, полсвета исходили вместе!.. Каким ветром занесло тебя, друже, к нам?.. Заезжай, заезжай!..

Скрипнул деревянный засов – и ворота широко распахнулись. Высокий, седой, но крепкий ещё на вид страж широко раскинул руки.

– Ту-ур! Друже! Ты такой же молодой, как всегда! И годы не берут тебя... Только голова побелела ещё больше...

Всадники спешили и вошли на подворье.

Старые друзья расцеловались. Оказалось, что они не виделись много лет, и теперь с удивлением и радостью разглядывали друг друга.

– А это твои сыны?

– Да, Лось, сыны.

– Ладные отроки... А это что за видение? – указал на пленника, сидевшего на коне со связанными руками. – Неужто гунн?

– Самый что ни на есть настоящий.

– Откуда ему тут взяться?

– Снова в степи они объявились.

– С этим ты и приехал к князю?

– Да, чтоб лиха не случилось.

¹⁴ *Поприще* – здесь: старинная мера пути, суточный переход.

– Князь поживает, будить не буду... Покличу княжичей, – решил Лось и поплёлся к одной из хижин, стоящих на круче. – А вы тут располагайтесь.

От поветей прибежали отроки – забрали коней и, поставив у коновязи, положили им по охапке травы, а в жёлоб сыпанули по полведра отрубей.

Кий с братьями впервые приехали на Родень и теперь с любопытством рассматривали всё кругом.

Здесь, как и на Каменном Острове, стояло около пятнадцати хижин, обмазанных глиной и покрытых соломой. Среди них выделялось жилище князя Божедара. Оно было просторнее, выше, с красивым резным крыльцом, с большими окнами, в которых блестели на солнце стёкла, привезённые князем из самого Царьграда.

Вдоль оврага – повети для скота, коней и других домашних животных, а также клетки-кладовые. В поветях сейчас не было живности: и кони, и коровы, и свиньи, и овцы паслись на лугах. А кладовые закрыты – в них хранилось княжье добро, которое ему привозили, выплачивая дань с ближних и дальних родов, – зерно, мёд, полотна, меха, овчины...

С княжьего подворья в сопровождении старого Лося вышло двое мужей. Один – лет тридцати, высокий, белокурый, с подстриженной кучерявой бородкой. А второй – молодой, не старше Кия. Но было в нём что-то, сразу привлекающее внимание, – приземистая, но ладная и сильная фигура, чёрный жёсткий чуб, широкое смуглое лицо с выступающими скулами. Быстрые, пылающие как огонь, черные глаза, такие непривычные для светлооких полян. Глаза эти так и впились в приезжих.

Старший сразу узнал Тура.

– Старейшина?! Будь здоров!.. Что привело тебя к нам? Ведь время для княжьей дани ещё не настало.

Тур поздоровался – сначала со старшим, потом с младшим.

– Здрав будь и ты, княжич Радогаст! Приветствую тебя, княжич Чёрный Вепрь!.. Да не дань я привёз с сынами, а злую весть – гунны идут! Нужно с князем поговорить... И полонённого вот привезли!

– Пошли.

Они направились к жилищу князя.

Неширокие тёмные сени разделяли его надвое. По левую и по правую стороны – выгесанные из липы двери. Радогаст прошёл налево, а Чёрный Вепрь повёл гостей направо. Там снял заслонки с окон – и осветилось немалое помещение, со стенами, обмазанными белой глиной. Пол – деревянный, гладкий, застланный рогозой, аиром и свежей луговой травой. Вдоль стен – широкие лавки под цветастыми шерстяными одеялами. В почётном углу – тёсанный стол, покрытый ромейским столешником. На стенах оружие: луки, тулы¹⁵ со стрелами, мечи, копья, боевые секиры, железная гуннская булава, два щита: один – небольшой, круглый, обитый медными шипами, второй – большой, продолговатый, сплетённый из лозы и обтянутый высушенной бычьей шкурой.

Не садились – ждали князя. Чёрный Вепрь стоял возле стола и молча разглядывал гостей. Молчал и старейшина Тур, утомлённый дальней дорогой. Неподвижно застыли его сыны. А пленник сгорбился в углу на полу и сквозь узенькие щёлочки глаз посматривал на полян.

Из сеней послышалось глухое покашливание. Скрипнула дверь – и в горницу вошёл князь Божедар, некогда сильный, широкоплечий и высоченный муж, а теперь – костлявый, согнутый, измождённый немощью старик в накинута на плечи красном княжьем корзне¹⁶. Радогаст поддерживал отца под руку.

Князь прищурился от яркого света.

¹⁵ Тул – колчан для стрел.

¹⁶ Корзно – старинная верхняя одежда, плащ.

– Так кто, говоришь, прибыл? Старейшина Тур? – поводит выцветшими глазами Божедар. Затем, узнав старейшину рода русов, радостно заговорил: – И вправду Тур!.. Вот не ждал!.. Здрав будь, старейшина! Какими ветрами? Что привело тебя на Родень, да ещё с такими добрыми молодцами?

Они обнялись.

– С сынами, княже... С сынами...

– С сынами? Это хорошо... Благодаренье богам за то, что навестил... Дозволь ещё раз обниму тебя. Должен поведать тебе: печалует меня, что всё реже вижу прежних друзей, с которыми полсвета исходил... Одни погибли, другие к предкам ушли, а остальных, как и меня, хвори одолели да старость пригнула к земле...

Они вновь обнялись – седой, согбенный князь и такой же седой, но ещё сильный и жилистый Тур.

– Ну, садитесь – рассказывайте, с чем приехали, – опустил на лавку князь. – С добрыми или плохими вестями?

– С плохими, князь.

– Ну?

– Гунны погромили уличей, князь... Князь Добромир у нас на Каменном Острове, помирает от ран...

– О!

– Гунны после жестокой битвы послали всадников преследовать его семью до самого Тикача. А оттуда, как ведомо, недалеко и до земель полян.

– Да охранят нас боги! Это и вправду страшные вести! От Тикача до Роси – рукой подать... Но, может, они и не думают идти на нас? Что говорит князь Добромир?

– По его словам, князь, гунны замыслили опять создать свою могущественную державу, – вступил в разговор Кий, – и первый свой удар они нанесли уличам...

– Пока сыны Аттилы грызлись между собой и бились друг с другом, чтобы захватить место отца, мы жили в своих уделах спокойно, – добавил Тур. – А теперь, когда Эллак убит в бою, Денгизих помер, Кандак со своим племенем засел в Мезии, за Дунаем, а другие разбрелись кто куда, Эрнак собрал большие силы и стал нападать на соседей. Видать по всему, хочет, как и его отец Аттила, приневолить их, обложить данью, сделать своими рабами...

– Похоже, что так.

– Мы привезли пленённого гунна, князь, – мои сыны взяли его в поле, когда спасали семью князя уличей... Надо бы развязать ему язык! Он многое знает...

Князь Божедар только теперь неторопливо скосил глаза на гунна и долго, безмолвно смотрел на него. Кию, который тем временем внимательно разглядывал князя, показалось, что у старого Божедара пробудилось какое-то любопытство, будто вспыхнула в памяти искра давно отшумевшей жизни.

– Спроси-ка, Чёрный Вепрь, как зовут его и как – кагана гуннов, – повернулся к младшему сыну князь.

Чёрный Вепрь быстро заговорил на языке гуннов. Услышав родную речь, гунн сначала вытаращил глаза на молодого княжича, а потом что-то кратко ответил.

– Что он говорит? – спросил князь.

– Он говорит, что зовут его Креком, а каганом у них сейчас и вправду сын Аттилы Эрнак...

– Эрнак? Я его помню... Что же он теперь замышляет?

Выслушав Чёрного Вепря о вопросе его отца, гунн съёжился, втянул голову в плечи и, мрачно глядя исподлобья, процедил несколько слов сквозь зубы.

– Крек отказывается что-нибудь говорить об этом. Сказал: простому воину неведомы намерения кагана, – перевёл Чёрный Вепрь.

– Сколько у Эрнака воинов?

– Это известно одному кагану, – последовал краткий ответ.

– Куда пойдёт каган после битвы с улочами?

– Это ведомо одному Тенгрихану! – с вызовом ответил Крек и криво улыбнулся одними уголками губ.

Князь Божедар разгневался.

– Презренный раб! Собака! Вот засунут тебе за пазуху тлеющую головешку, тогда говоришь иначе – всё расскажешь. Подумай-ка об этом, негодник!.. Даю тебе на раздумье ночь! – И приказал сыну: – Отдай его челяди, пускай посадят в яму.

Чёрный Вепрь увёл пленника.

В светлице наступила тишина. Старый больной князь, опустив голову на грудь, сидел в глубоком раздумье. Его высохшие, безжизненные руки недвижно лежали на острых, выпирающих из-под корзны, коленях, нос заострился, глаза запали в тёмные впадины, как у мертвеца, и только тяжёлое хриплое дыхание подтверждало, что в этом немоющем теле ещё тлеет жизнь.

Когда вернулся Чёрный Вепрь, князь обвёл потухшим взглядом присутствующих, хрипло спросил:

– Что делать будем?

– Собрать весь полянский полк¹⁷, князь, а в степь выслать дозор из младшей дружины, чтоб стерегли гуннов, – твёрдо заявил Тур.

Чёрный Вепрь презрительно хмыкнул:

– Хм, ты так говоришь, старейшина, словно Эрнак уже стоит на берегу Роси.

Тур спокойно, с достоинством ответил:

– Я не знаю, княжич, где он ныне стоит, и дозор должен нам сообщить об этом. Но если гунны объявятся на Роси, а мы загодя не соберём рать, беда нам будет! – И, подумав, добавил: – И не помешало бы послать гонцов к тиверцам, бужанам, волынянам, древлянам и северянам. Объединить все наши силы – тогда гунны не будут страшны!

– Говоришь так, будто легко и просто это сделать. – Чёрный Вепрь вызывающе посмотрел на гостей.

Тур удивлённо пожал плечами и умолк. Сыны его насупились.

Но тут в разговор включился княжич Радогаст:

– Мне думается, что весть, привезённая русами, такая важная, что нельзя терять времени!.. Надо ли сейчас же снаряжать гонцов, чтобы собирался полк, как предлагает старейшина, не знаю. Нужно подумать. А вот дозор в поле направим немедленно! И всех полян оповестим об угрозе... Всего лишь два десятка лет минуло, как мы освободились от владычества гуннов. Как бы, захватив врасплох, они не запрягли нас в ярмо опять. Нельзя ждать, пока на нас нападут! Нужно первыми ударить!

Чёрный Вепрь хрипло рассмеялся:

– Ха-ха-ха, мой брат страх какой воитель!.. А с какими силами идти?.. Уличи, уж верно, воинов имели не меньше, чем у нас. Известно ведь, какое это многолюдное племя. А где они теперь? Разбрелись по степи, и многие легли костями, а сам князь Добромир тоже собирается к пращурам...

– Что же ты предлагаешь? Никак не могу понять тебя! – не на шутку рассердился Радогаст. – То не веришь, что гунны близко, то сомневаешься, звать ли на помощь соседей, то не хочешь посылать дозор в степь... Что же, по-твоему, надо делать?

– Слать послов к Эрнаку!

– Что-о?

¹⁷ Полк – у древних славян это: народ, племя, войско (постоянные княжеские дружины и ополчение – все способные владеть оружием).

– Да-да, послать гонца к Эрнаку! – повторил твёрдо Чёрный Вепрь. – И заверить его, что мы, как и при Аттиле, будем покорны гуннам и станем исправно выплачивать дань!..

– У тебя, Вепрь, боги отняли разум! – Радогаст вскочил с лавки. – В тебе заговорила кровь гуннов!.. Значит, тебе захотелось покориться Эрнаку? Ну и покоряйся, но один! А мы останемся вольными людьми!

Чёрный Вепрь озлился. Он тоже вмиг оказался на ногах и, как молодой задиристый петух, встал супротив брата. Чёрный чуб его топорщился, широкие ноздри дрожали и раздувались, а в глазах сверкали злые огоньки.

– Да, я гунн! Я внук великого Аттилы! Во мне звучит, как ты вспомнил, кровь гуннов! – Слова его вылетали, как камни из пращи. – Ну и что?.. Разве я в то же время не княжич полян? Разве у меня сердце станет меньше болеть, если прольётся больше крови полян, чем гуннов?.. Мне жаль и ту и другую... Вот почему мне хочется мирно договориться со своим вуйком Эрнаком, чтобы поляне мирно, спокойно жили на своих местах!

– И платили дань?

– Лучше тяжёлая дань, чем лёгкая смерть!.. Кроме того, никто сейчас не может сказать, какой будет дань... Потому и думаю, следует договориться с Эрнаком. Может, он вовсе не имеет намерения нападать на нас, а может, удовольствуется нашими заверениями, что мы, как и при Аттиле, войдём в союз с гуннами.

– Ни за что! Только не в союз с ними! Ты не ведаешь, что говоришь, Вепрь! – гневно воскликнул Радогаст и сжал перед своим лицом кулаки, как бы защищаясь от брата.

Ссора, внезапно вспыхнувшая между княжичами, несказанно поразила Тура и его сыновей. Удивление, замешательство, боль и гнев попеременно отражались на их лицах. Было очевидно, что братьев от решительных действий друг против друга сдерживает лишь присутствие их старого отца. А с его смертью между ними разгорится откровенная вражда. Что тогда станет с полянами?

Ссору прекратил князь.

– Будет вам! – повысил он голос. – Наслушался вашего крика, теперь слушайте меня! Думаю, пока гунны не перешли Тикач, нам нечего бояться их нападения. А чтобы не захватили нас врасплох, пошлём в степь дозорных. Пускай отроки разомнут коней да постреляют малость дичи...

– Изволь, отче, – враз умолкнув, склонили голову оба княжича.

– Завтра хорошенько расспросите гунна, чтобы поведал всё, что знает... А знает он, по всему видать, больше, чем говорит... Будет упорствовать и дале – на кол его! Но, думаю, заговорит... Тогда выведите всё: и сколько войска у Эрнака, и какие умыслы у него, и что творится в степи...

– Изволь, отче, – снова покорно откликнулись княжичи.

Князь Божедар обернулся к Туру.

– Благодарствую, друже, за важную весть. И за то, что своих молодцев привёл ко мне... И мои к тебе тоже вскоре придут... Примешь гостей?

– А как же – приму, – приложил руку к груди старейшина. – Пусть приезжают – всем, что имею, попотчую. На Купалу пусть приезжают, буду ждать...

Князь улыбнулся.

– Вот и добро, что на Купалу... Может, Чёрный Вепрь из вашего рода выберет себе дивчину да и привезёт мне невестку?.. Слыхивал я, что у тебя, Тур, кроме сынов, ещё и дочка есть, – так почему бы нам не породниться? Я буду рад, если оженишь у себя этого забияку, а то совсем от рук отбивается хлопец!..

– И я рад буду стать родней тебе, князь, – ответил Тур. – Моя доченька Лыбедь – славная девица: на весь род – красавица...

– Слышишь, Веприк? – Князь медленно поднял морщинистую высохшую руку и похлопал сына по предплечью. – Привезёшь мне невестку?.. Привези: хочу перед смертью её увидеть...

– Как велишь, отче, – покорно склонил голову Чёрный Вепрь. – Если дивчина хороша, почему бы не привезти...

– Вот и ладно, – обрадовался князь. – Договорились... А теперь – на учту¹⁸! Солнце к заходу – вечерять пора...

Учту князь Божедар велел проводить не в жилище, а на вершине Родня, поросшей мягкой зелёной травкой.

Здесь было просторно и привольно. С трёх сторон – отвесные кручи. Внизу под ними – густые заросли леса. Ошую¹⁹, на восход солнца, раскинулся Днепр-Славута, а за ним, на той стороне, – бесконечные луга, зелёные боры и голубая даль. Одесную – струится, вливаясь в Днепр, спокойная серебристая Рось. И тёплое ласковое солнце щедро поливает эту немислимую красу своими живительными лучами.

Женщины рода и отроки расстелили на холме пёстрый ромейский ковёр, привезённый князем в молодости из похода. На большом оловянном блюде, добытом в далёкой Галлии, принесли жареное баранье мясо, в глубоких глиняных мисках – холодную юшку из судака и стерляди, на деревянных досках-тацах – свежий, ещё тёплый хлеб, а в корчагах²⁰ – медовую сыту. Для неё были поданы тоже ромейские серебряные кубки.

Когда все разместились на ковре, княжич Радогаст по молчаливому знаку отца наполнил кубки сытою. Князь поднял свой кубок вверх, повернулся лицом к соседней вершине, той, что пониже, где стояли идолы Световида и Рода – покровителей княжеского племени – и торжественно произнёс:

– О великий и всемогущий Дажьбог! Ты – властелин неба и земли, ты повелеваешь огнём и громом, в руках твоих жизнь зверей и птиц, людей и целых племён! Молим тебя, защити нас от злых духов и нечистых сил, от чёрного мора, от липкой лихоманки-трясучки, от всяческой напасти и недоброго наговора, а паче всего – от кровожадного племени гуннов! Молим тебя, всемогущий! И тебя молим, Род, защитник наш, и приносим тебе!

С последними словами он плеснул из кубка в сторону идолов немного сыты. Потом взял кусок мяса и ломоть хлеба, бросил в обрыв.

– Примите, боги, тебе!

Все проделали то же самое и только затем выпили сыту и начали есть. Беседа не клеилась. Старый больной князь утомился, а Тур с сынами ещё не опомнились после спора княжичей. Ели молча и быстро – чтобы только насытиться.

Солнце медленно опускалось за тёмный лес, и от Днепра повеяло вечерней прохладой.

Кий сидел напротив Чёрного Вепря и незаметно наблюдал за ним.

Одногодок, похоже. Лет двадцать – не более. Невысокого роста, широкий в плечах. Крепко посаженная на плотной шее круглая голова с копной лоснящихся чёрных волос. Из-под густых тёмных бровей выглядывают быстрые и жаркие, как огонь, глаза. Можно бы назвать его даже красивым, если б не диковатый, хищный оскал белых зубов да не маленький, чуть приплюснутый нос.

На кого он похож? На отца? Нет. На брата? Тоже нет. Значит, на мать?

Кий знал, что у князя было много сыновей. Но два или три погибли на поле брани, нескольких ещё отроками призвали к себе боги. Остались двое... И такие разные!

¹⁸ *Учта* – угощение, пиршество.

¹⁹ *Ошую* – по левую руку, слева.

²⁰ *Корчага* – глиняный сосуд с узким горлышком.

Ой, не дружно живут княжичи. Не иначе, чёрная кошка меж ними пробежала. И лихой глаз разъярил их сердца, а Див накликал, напустил беду на обоих. Что станет с родами полян, когда помрёт старый князь?

И вот-вот кто-то из них займёт место Божедара, так как по всему видно, уже не долго отцу их идти по тропе жизни... Кто же? Неужели Чёрный Вепрь?

Кий поймал себя на мысли, что очень ему не хочется, чтобы этот вспыльчивый и заносчивый отрок вершил когда-нибудь судьбу всего племени... Ишь, чего захотел – гуннам поддаться! Отправить к ним послов! Платить дань! Чего ради? Нет-нет, полянам такой князь вовсе не нужен! Радогаст совсем иной... Разумный, рассудительный, сдержанный и, видимо, твёрдый, решительный...

Поток его мыслей вдруг прервался. К ним приближалась женщина с большой, глубокой миской в руках. Пожилая, лет сорока пяти. Одежда не из грубого полотна, как у прислужниц или рабынь-полонянок. На ней тонкая вышитая сорочка и цветастая плахта. На голове – шёлковый очипок, из-под которого виднелась тугая чёрная коса. К очипку возле ушей прикреплены с каждой стороны по три больших золотых кольца, в такт шагам они тихо позванивали.

Подошла степенно – поклонилась князю.

– Вот, на закуску... Сладенького... Кушайте на здоровье, князь мой милый и гости дорогие! – И поставила на ковёр миску с янтарными сотами, покрытыми каплями свежего ароматного мёда.

Голос её был мягкий и мелодичный, но слегка чувствовался чужой, не как у полян, выговор. Да и она сама совсем не похожа на русоволосых, светлооких полянок – плотная, сильная, с круглым загорелым лицом, смолянисто-чёрной косой и такими же тёмными быстрыми глазами.

«Мать Чёрного Вепря!» – подумал Кий, сразу заметив сходство между этой женщиной и младшим княжичем.

Его предположение подтвердили слова князя.

– Спаси тебя боги, Чернета! Благодарствую, княгиня, за то, что догадалась принести нам медку душистого – из лесов наших поршанских... А теперь иди и вели прислужницам приготовить для гостей ложа... Закусим – и на покой.

Гости тоже поблагодарили Чернету, и она ушла.

Учта продолжалась ещё не долго, до захода солнца. С наступлением вечерних сумерек князь попрощался и, поддерживаемый Чёрным Вепрем, побрёл спать, а Тур с сынами в сопровождении Радогаста направились к небольшой хижине, отведённой им для ночлега.

На Родень опустилась тёмная ночь. В ней потонули и окружающие леса, и глубокие пропасти, высокие шпили гор, и широкие днепровские плёсы, и приземистые, под почернелым очеретом хижины и повети княжьего селища. Бог ночи Морок, сын Сварога и брат Дажьбога, овладел и землёю, и небом, лесами и водами, и всем сущим на земле до самого утра, пока златоликий Световид не одолеет своего мрачного брата и не осияет своими огненными лучами, не пробудит, не согреет весь белый свет.

Беспокойно дремал, переворачиваясь с боку на бок, одряхлевший, немощный князь Божедар. Сразу же крепко заснул княжич Радогаст. Уснули утомлённые дальней дорогой и перегруженные щедрой княжьей учтой гости: старейшина Тур и его сыны.

Всё вокруг погрузилось в сон.

Бодрствовали только княгиня Чернета и её сын Чёрный Вепрь.

Сидели в тёмной хороминке на мягком ложе княгини и, прислушиваясь к собачьему лаю в селище и ночным звукам, долетающим из леса, тихо разговаривали. Беседовали они на понятном только им языке гуннов.

– Отец стал совсем слабый, – говорил Чёрный Вепрь. – Вот-вот помрёт...

- Я сама это вижу, сынок, – отвечала княгиня.
- Если поляне изберут князем Радогаста, нам житья здесь не будет... Ненавидит он нас!
- Как и мы его... Я не раз говорила тебе об этом, Вепрь, а ты словно не понимал или не хотел понимать мои слова...
- Не мог же я так, ни с того ни с сего, убить брата... Да ещё при живом отце...
- Так скорее он тебя сживёт со свету, а уж когда станет князем... соперника не потерпит. И меня он ненавидит лютой ненавистью. Как только отец умрёт, сожжёт, по обычаю своего племени, вместе с покойником...
- Я не дам погубить тебя...
- А сколько раз ты мог без опаски избавиться от него, – и до сих пор не воспользовался такой возможностью – пожалел!..
- Теперь не пожалею!
- Смотри, чтобы он не упредил тебя!
- Сегодня мы снова крепко разругались с ним... И отец больше его сторону держал. Потому я и пришёл к тебе за советом.
- Из-за чего же был спор?
- Знаешь ли, каган Эрнак разбил уличей? Может, потом и на полян пойдёт ратью. Неведомо только – когда... Вот я и посоветовал князю не ждать, пока он погромит нас, а наслать послов к кагану и мир сотворить...
- Ты мудрый совет подал. Конечно, твой вуйко Эрнак пожелает иметь князем полян тебя, а не Радогаста. Об этом позабочусь я сама! А что же твой сводный братец?
- Набросился на меня, как разъярённый тур... Не будь это в присутствии князя и старейшины русинов с сынами, то и за мечи могли схватиться!
- Вот видишь... Он понимает, что ты – главный его враг. Мира меж вами никогда не будет. Как только не станет князя, тут же прольётся кровь одного из вас... Вот почему тебе нужно опередить Радогаста!
- Но как?
- Эрнак не оставит своего племянника в беде. Он ведь ничего не знает ни про тебя, ни про твоё желание подчинить полян союзу с ним. Потому-то и нужно направить к нему посланца... Вот только надо подумать – кого? Нужен верный человек.
- Ты хочешь сказать, что посланец должен быть тайным?
- Несомненно. Никто, ни одна живая душа, кроме нас с тобой, не должен знать здесь о нём.
- Гм... – Чёрный Вепрь задумался. – Старейшина Тур привёз с собой полонённого гунна Крека. Князь приказал бросить его до утра в яму... Вот кто лучше всего подошёл бы для этого. Чернета сжала сыновью руку.
- Так устрой ему побег. Но сделай так, чтобы на тебя не пало подозрение...
- Так и сделаю.
- Приготовь ему резвого коня и пищу.
- Приготовлю... Но у меня есть сомнение – а вдруг не поверит каган Эрнак тому, что передаст ему от нас Крек?
- Поверит! Мы с Эрнаком от одной матери. Наш родовой знак – кабаний клык. Тебя я назвала Чёрным Вепрем потому, что защитником нашего рода был Вепрь. Когда мой отец Аттила отдавал меня за твоего отца, то моя мать дала мне амулет – оправленный в золото кабаний клык, чтобы он охранял меня от болезней и всяких бед. – С этими словами Чернета сняла с шеи золотую цепочку с амулетом и вложила в руку сына. – Увидев это, мой брат, а твой вуйко Эрнак сразу удостоверится, от кого посланец, и даст веру каждому его слову.
- Я всё сделаю, как ты говоришь. А как я потом дознаюсь, что решил каган?

– Договорись с Креком, чтобы он вернулся и сообщил тебе всё. Назначь ему время, тайное место встречи...

– Разумница ты моя! – воскликнул Чёрный Вепрь и, обняв мать, поцеловал её в голову.

* * *

Не спал этой ночью также и Крек. Ещё с вечера ощупал всю яму и убедился, что без посторонней помощи выбраться из неё не сможет. Затем он съёжился в углу и предался тоскливым мыслями, пощипывая свою реденькую бородку.

Изредка он поднимает вверх голову и долго смотрит на кусочек тёмного неба, где мерцают мелкие, как мак, звёздочки, и тогда из его пересохшего горла вырывается глухой болезненный стон, схожий с клёкотом степного беркута. Крек знал, что это последняя в его жизни ночь, что утро принесёт нестерпимые муки и смерть...

Вдруг его чуткое ухо уловило неясный шорох.

Он вскочил на ноги. Прислушался.

Шорох усилился, и в следующее мгновение в яму рядом с ним опустилась крепкая суковатая жердь. Донёсся шёпот:

– Крек, вылезай. Я спасу тебя.

– О великий Тенгрихан, неужели дошла до тебя молитва и мольбы бедного ничтожного гунна и ты послал не кого-нибудь, а княжича полян освободить меня из этой сырой холодной ямы? Ведь это голос Чёрного Вепря!

– Ну, вылезай же! Быстрей! – слышалось сверху.

Крек ещё раз мысленно попросил Тенгрихана защитить его от недобрых людей и злых духов, а потом ловко вскарабкался по жерди наверх. Там сильная рука подхватила его, помогла очутиться на земле.

– Я княжич Чёрный Вепрь, – тихо прозвучал рядом тот же голос. – Я внук Аттилы и племянник кагана Эрнака...

– О боги! – вырвалось у ошалевшего от этой вести гунна.

– Я приготовил тебе лучшего коня, торбу с едой и оружие, чтоб было чем отбиться от хищных зверей или преследователей... Мчись прямо к кагану и вручи ему этот талисман, чтобы он понял, чей ты посланец. – И Чёрный Вепрь вложил в руку гунна материнский амулет. – Скажешь ему: «От твоей сестры, княгини полян Чернеты, и твоего племянника, княжича Чёрного Вепря». Понял?

– Понял, господин...

– Ты родился под счастливой звездой: я спас тебя от верной смерти, а каган Эрнак награждает за добрые вести.

– Что я должен сказать кагану?

– Слушай внимательно!..

И Чёрный Вепрь, наклонясь к самому уху гунна, начал еле слышно, но властно втолковывать ему всё, что он должен передать на словах Эрнаку, а Крек молча, не переспрашивая, кивал.

Гнев Перуна

О бегстве пленника узнали сразу после утренней учты, когда к князю прибежал вконец перепуганный челядник.

– Князья, гунн сбежал! – закричал он.

Известие, точно громом, поразило всех. Князь насупился. Сердито задрожала его белая растрёпанная борода.

– Говори толком: как он сумел убежать? Где же был страж?

Челядник растерянно пожал плечами.

– Вылез из ямы... А как – не ведомо... Не иначе – нечистая сила помогла... Задушил стража Одлигу и затянул в поветь... А там, в яслях, притрусил сверху соломой – едва нашли, вот... Вывел за ворота коня так, что ни один пёс не гавкнул, а там и след простыл...

У князя челюсть отвисла: он никак в толк не мог взять, каким образом гунн вылез из ямы.

– И впрямь нечистая сила... Колдун какой-то! – прошамкал со страхом.

– Отче, мы догоним его! – первым отозвался Чёрный Вепрь.

– Поздно, поди. – Князь сокрушённо покачал головой. – Далеко уже ушёл. Не догнать!

– А всё-таки погнаться нужно, – твёрдо сказал Радогаст. – Дозволь, отче. У беглеца всякое может случиться: собьётся с пути, конь ли захромает или сам ослабнет, вот и схватим!

– Ладно, езжайте, – согласился князь. – Да остерегайтесь, не ровён час, нечистый дух тот может сглазить или вурдалаком обратиться.

– Мы заговоры знаем, – успокоил отца Радогаст.

Тур с сынами тоже поднялся.

– Тогда и мы – в путь... – поклонился он Божедару. – Поможем княжичам... Никто лучше Кия не отыщет след... Прощай, князь! Будь здоров! А то мы уже из степи – догоним гунна или нет – повернём прямо домой...

– Поезжайте, и пусть вам сопутствует удача! – тихо произнёс князь и, обняв старейшину, прослезился. – Не знаю, свидимся ли ещё раз, друже. Таким слабым стал я за последнее время...

– Увидимся! Поскрипим ещё, князь! – подбодрил его Тур, но, видя, как пошатывается тот на тонких, как ходули, ногах, и сам уже не верил тому, что говорил.

– Э-э, да где там! – махнул безнадёжно рукою князь и уже сердито кинул: – Идите, идите! Не мешкайте!

Собирались недолго. Челядники оседлали коней, приторочили к сёдлам торбы с едой. Полтора десятка дружинников, которые должны были сопровождать княжичей, уже стояли наготове у ворот. Щек и Хорив присоединились к ним.

Тем временем оба княжича и Тур с Кием пошли осмотреть яму. Она была глубокой, старой, с поросшими травой и мхом краями. Вокруг неё валялись груды мусора, сухого хвороста и соломы, в которой копались куры и рылись свиньи.

– Ничего мы здесь не найдём, – буркнул Радогаст. – Одно ясно: без помощи нечистой силы гунн отсюда вылезти не мог!

– Верно, без выручки лешего или другой нечистой силы из ямы не выбраться, – согласился Чёрный Вепрь. – Если только сам он не колдун или оборотень...

Пока княжичи обменивались мнениями, Кий заглянул в яму. Глаз у него острый, цепкий. Вокруг, где всё истоптано, перерыто, найти что-либо, стоящее внимания, не просто. А вот внизу...

На сыром глинистом дне ямы, покрытом цвелью и мхом, он сразу заметил небольшую свежую вмятину... Ого! Тут что-то есть, будто кто-то сильно ударил оземь тупым концом кола... Поверху же, вдоль края, земля обвалена... Значит...

– Мнится мне, обошлось здесь без нечистой силы... Гляньте на эти следы. Не говорят ли они о том, что гунн вылез по жерди, которую кто-то опустил ему в яму? – произнёс раздумчиво, а посмотрев на поленницу дров под поветью, воскликнул: – Да вот и она! Глядите!

Крепкая длинная жердь лежала сверху. На её более толстом, срубленном конце желтели комочки засохшей глины.

Это оказалось так неожиданно и вместе с тем настолько наглядно, что все на некоторое время застыли молча. Радогаст хмурил рыжеватые брови и морщил лоб, стараясь представить обстоятельства, по-новому объясняющие побег гунна. Тур любовался сыном, гордясь его умом и сообразительностью. А Чёрный Вепрь, окинув быстрым взглядом следы, оставленные его ночным деянием, ударил себя кулаком в грудь и громко воскликнул:

– Пусть покарает меня Перун, если всё было не так, как говорит Кий! Жердь в глине, на дне ямы след от её тупого конца, земля на краю обрушена... Но кто же мог это сделать? Неужели кто-то из невольников? Есть у нас несколько полонённых акацырей – определённо это их рук дело! Вернёмся – допросим всех! А теперь, не теряя времени, – в путь, в путь! Догоним негодника, и он всё расскажет!

Кий внимательно всматривался в лицо княжича, пока он это говорил, и ему показалось, что тот чем-то встревожен и старается это скрыть. Конечно, если бы не вчерашний спор княжичей, Кий сейчас ничего такого не подумал бы, но слова и поведение Чёрного Вепря запечатлелись в его памяти и теперь заставляли относиться настороженно к младшему княжичу. «Гм, неужели он помог Креку бежать? Неужто и впрямь гуннская кровь так заговорила в нём, что он пошёл на прямую измену своему отцу и его племени? Или мне это только чудится? Конечно, пленённые акацыри, родичи гуннов, могли помочь своему соплеменнику выбраться из ямы, а он потом и сторожа мог убить, и коня вывести из конюшни...»

Однако Чёрный Вепрь держался внешне спокойно и невозмутимо. Ничто, кроме едва уловимого напряжения в голосе, не выдавало его волнения, и Кий засомневался. «А лучший его знает, – подумал. – Не пойман – не виноват».

Но тут Чёрного Вепря непроизвольно поддержал Радогаст.

– Да что тут догадки строить, время не ждёт – идём.

Они быстро прошли к воротам, сели на коней – и небольшой отряд тронулся в путь.

След легко нашли на влажном илистом берегу Роси. Гунн вплавь перебрался через реку и некоторое время ехал по бугристой возвышенности вдоль Днепра, а потом начал забираться правее и вскоре помчался прямо на юг.

Преследователи гнали коней не жалея, без отдыха. След то терялся, то вновь появлялся в густом степном разнотравье, уводя всё дальше и дальше от обжитых краёв. Остались позади зелёные дубравы и рощи, исчезли высокие шпили приднепровских гор, с которых открывались виды далеко вокруг. Началась седая от полыни и ковыля, чуть наклонная равнина.

Незаметно въехали в степь.

– Так и к гуннам в лапы можно попасть, – сказал Тур, вытирая вспотевшее лицо.

Радогаст, скакавший впереди отряда, ничего не ответил. Ему очень хотелось, надобилось поймать гунна, и он погонял и погонял своего уставшего коня, и так бежавшего из последних сил.

В полдень они наконец увидели беглеца. Далеко впереди завиднелось чёрное пятнышко, то появляющееся на холме, то исчезающее за ним.

– Это Крек! Мы его догоним! Вперёд!

Всадники понукают утомлённых коней, и те ускоряют бег. Ну же, быстрее! Быстрее! Устали, бедные. Уже лоснятся взмокшие бока и спины, из груди вырывается не дыхание, а тяжкий болезненный хрип... Но и коню Крека тоже не легче, и хотя он сильный и выносливый, но всему есть предел!

Радогаст мчался впереди, за ним – Кий, Щек, Хорив, Чёрный Вепрь, чуть отстали дружинники, и лишь за ними – Тур. Да, не те уже годы, чтобы угнаться за молодыми.

Крек, видимо, заметил погоню и не останавливался ни на миг. Расстояние между ним и преследователями не уменьшалось, но преимущество было на стороне последних. Русичей много, и кто-нибудь да догонит его. Он это понимал. Спасти его могла теперь только встреча с передовыми разъездами гуннов.

Преследователи растянулись длинной цепочкой. Более сильные кони вырвались вперёд, другие всё больше и больше отставали.

В бешеной скачке никто не заметил, как что-то вокруг изменилось. Сначала подул прохладный ветерок и перестало печь солнце, которое затягивалось распростёртой над степью мглой. Потом на западе появилась туча, она быстро росла и вскоре закрыла полнеба.

Поляне забеспокоились. И Радогаст, и Чёрный Вепрь, и Кий, что далеко вырвались вперёд, с тревогой поглядывали вверх. Неужели разыграется гроза?

Гром ударил внезапно – и покатился эхом над погруженной в сумрак равниной. Сердца людей сжала тревога. Перун рассержен! Бог молнии и грома мчится прямо на них и издалека подаёт свой грозный голос.

Когда сверкнула молния и гром тут же прогрохотал над землёй, Радогаст остановил коня, соскочил с него, стал на колени и протянул к небу руки.

– Перун хочет покарать нас! Мы его прогневали!

– Это наколдовал тот проклятый гунн! Нам нельзя ехать дальше! Перун наслёт на нас большую беду! – закричал Чёрный Вепрь.

У Кия тоже зашло сердце. С Перуном не спорят и не шутят! Гнев всемогущего божества в любое мгновение может обрушиться на голову провинившегося.

Подскакали отставшие дружинники.

В это время чёрную тучу разодрала гигантская молния, и над головой насмерть перепуганных людей затрещало, ударило, грохнуло так, что задрожала земля. Могучий гром взревел, как десять тысяч туров. Хлынул дождь. Холодные потоки воды и частого града стегали прикишующую степь, мяли, путали, рвали седой ковыль, терзаемый порывами ветра.

Воины дружины бросили поводья коней, упали на колени, в мольбе простёрли к небу руки. Их бледные губы истово шептали заклинания и просьбы о прощении.

– О ясноликий и грозный Перун! Помилуй нас!

Радогаст старательно отбивал низкие поклоны.

Дрожал Чёрный Вепрь. Тур тоже бил поклоны, мокрыми прядями седых волос касаясь земли. Щек и Хорив прижались друг к другу и ладонями зажали уши, чтобы не слышать ужасных раскатов грома. Кий почувствовал, как от страха начинает ныть сердце, но самообладания не терял. Увидев, что вот-вот разбегутся испуганные кони, схватил поводья и крепко зажал в руке. Посерел от страха Чёрный Вепрь. В его широко раскрытых глазах мелькали отблески ослепительных молний. Прижимаясь к коню, обнял его руками за шею, просил небо о спасении.

Опять грохнуло, затрещало, застонало над головой. Дружинники распростёрлись ниц на земле в ожидании беспощадного удара карающей десницы разгневанного божества.

Ливень усиливался. Свет совсем померк. Стало темно, как поздним вечером. В выси непрерывно гремело, грохотало и сверкало. Разъярённый Перун то и дело прокатывался по небу в своей огненной колеснице и метал во все стороны смертоносные стрелы. Содрогалась и колебалась под ногами земля, и казалось, что этому буйству и безумию не будет конца.

Коня неистово ржали, вздымались на дыбы и тоже, как и люди, дрожали в ужасе. Всё живое замерло: исчезли птицы, попрятались звери, замолкли всегда весёлые, шумливые сверчки и кузнечики. Только огонь, вода и гром властвовали в небе и на земле.

Кий одною рукой держал поводья нескольких коней, а другой, воздетой к небу, заклинал Перуна унять свой гнев.

Но Перун ярился всё сильней и сильней. Тучи сошлись с землёй, и наступила такая тьма, будто Морок насовсем поглотил Световида. Гром гремел непрерывно, и в свете молний были видны мечущиеся над степью водяные вихри.

Один из дружинников в ужасе вскочил и с диким воплем помчался к высокому степному кургану. Он то исчезал во мраке за сплошной завесой ливня, то вновь появлялся, как призрак, в ослепительно-синих вспышках молний. Достигнув вершины кургана, упал на колени, вытянул руки к небу и застыл.

И тут небо вспыхнуло огнём. Ужасный грохот всколыхнул землю. Извилистая стрела ударила в самую вершину кургана.

Все рухнули в мокрый, прибитый и спутанный дождём ковыль. О великий Перун, ты нашёл свою жертву!

Так и лежали они долго. Гроза лютовала ещё некоторое время, но силы её постепенно иссякали. Насытившись требой, человеческой жизнью, Перун отпустил вожжи своих буйно-гривых коней, изо всех сил громыхнул раз-другой и помчался над степью дальше – на восток.

Всё реже и реже били в землю молнии. Всё глуше становились раскаты грома. На западе начал светлеть край неба. Тучи стали расплываться – и наконец блеснуло солнце.

Мокрые, испуганные, оглушённые люди поднимались с земли и вновь протягивали к светилу задубелые руки.

– О великий Световид, милостивый Дажьбоже! Ты явил нам свой золотой лик, ты вселил в наши сердца надежду и радость! Будь славен вовеки, Дажьбоже!

Гроза отшумела – и всё в степи опять ожило. Закричали с хрипотцой перепёлки, взвился в небо и завис в вышине серебристоголосый жаворонок, промчался на горизонте табун тарпанов.

Только мёртвый дружинник лежал на вершине кургана, повернув к солнцу почерневшее лицо.

Его не трогали, оставили там, где настигла его смерть, – он теперь принадлежал не себе и не людям, а божеству грома и молний Перуну.

Настращенные, едва опомнившиеся от пережитого ужаса, княжичи подали знак садиться на коней и возвращаться домой. О преследовании гунна не могло быть и речи.

На полпути к Роси Тур и его сыны попрощались с княжичами и повернули к Каменному Острову. Горячее солнце быстро высушило их одежды, овчины и торбы. А из сердец медленно высеивался страх. Грозный Перун на сей раз обошёл их своей карой...

Ночь над Росью

Ночь застала их в дороге. Как-то незаметно сникла румяная краса-зорька, быстро загу-стели сумерки и обернулись вскоре темнотой. На небе замигали мелкие звезды, а из широкой долины Роси на крутые холмы потянулись сырой туман и прохлада.

Кий придержал коня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.